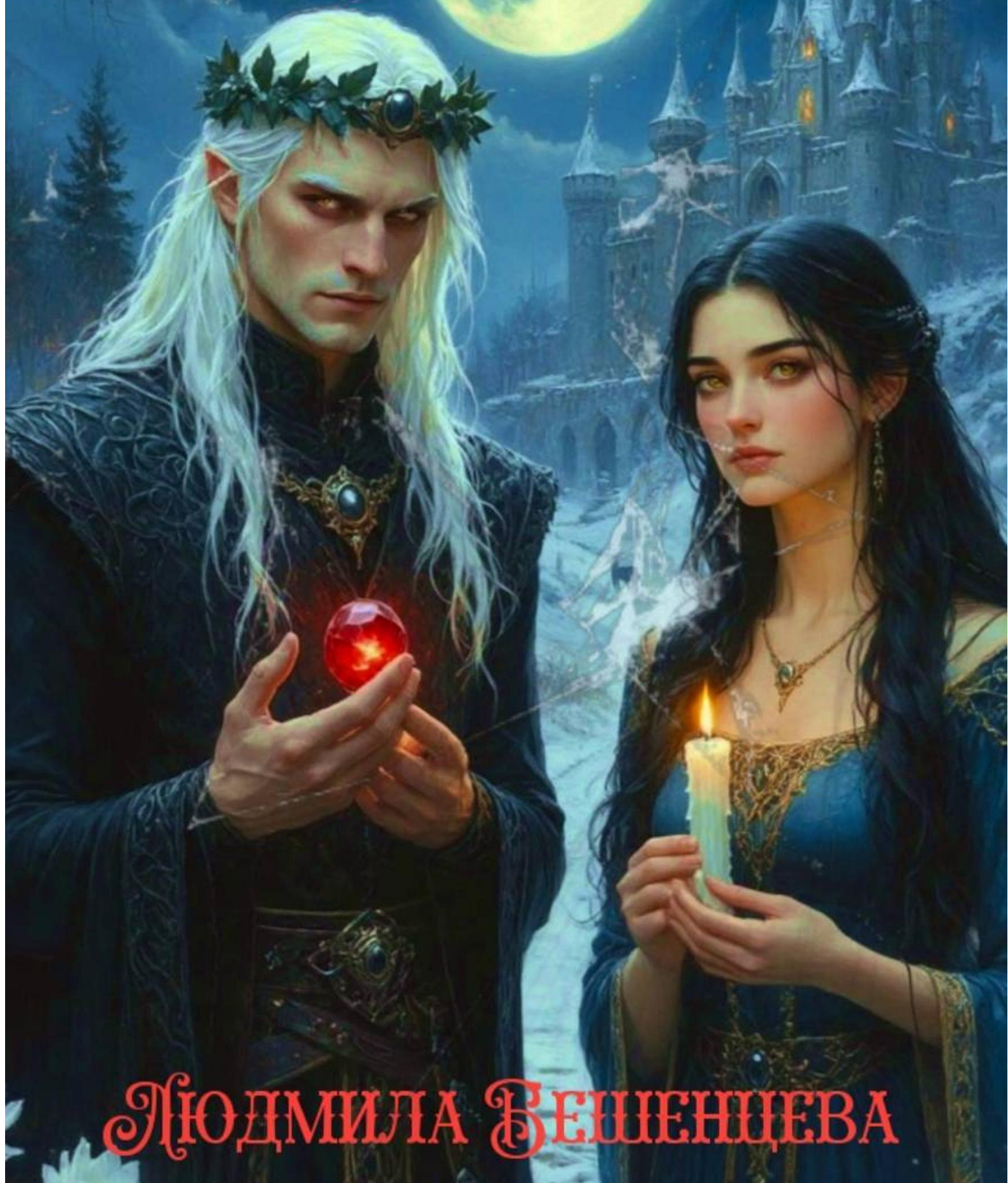

ВЕДЬМИН РОД *Кошечьева Невеста*

ЛЮДМИЛА ВЕШЕНЦЕВА

Ведьмин Род

Людмила Бешенцева

Ведьмин Род: Кощеева Невеста

«Автор»

2026

Бешенцева Л. С.

Ведьмин Род: Кошечья Невеста / Л. С. Бешенцева — «Автор»,
2026 — (Ведьмин Род)

В лесной глуши, под присмотром самой Ядвиги и её верного кота, выросла Варвара — дочь ведьмы и оборотня, медведица с золотыми глазами и сердцем, не ведающим преград. С детства она носит на груди серебряный месяц, что некогда принадлежал Кощею Бессмертному. Игрушку ли, талисман ли — сама судьба вложила его в маленькие ладошки. Варвара расцветает буйным цветом с годами летящими мимоходом. Когда она вновь встречает Кощею — не старца, а статного мужа с белоснежными волосами и холодным взглядом, — девичье сердце вспыхивает жарче костра. Вот только колдун стар, мудр. Он гонит наваждение прочь, но разве можно убежать от того, что начертано на луне? Пока старые боги шепчут, а Ядвига вспоминает вещий сон, Варвара бросает вызов судьбе. Ей предстоит растопить лёд бессмертного сердца, столкнуться с тёмным колдуном и доказать: настоящая любовь не знает ни возраста, ни страха. И если сам Кощей бежит от неё в ночь — значит, за ним уже мчится не девица, а его неизбежная судьба.

© Бешенцева Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Людмила Бешенцева

Ведьмин Род: Кощеева Невеста

Глава 1

Лес встречал её золотым шёпотом листвы. Трава под ногами стелилась мягче шёлка, а ветер доносил запах мёда, полыни и чего-то далёкого, сказочного — того, что живёт только на грани сна и яви.

Варвара родилась девочкой красивой, да сильно на отца схожей. Самое же главное что Ягушка не ощутила в дочери дар ведьмовской, лишь способность в мелведя обращаться, но это женщину ничуть не растроило. Быстро деточка росла, волосы черные блестящие, глаза золотые как ярко солнышко. Сначала поползла, потом и на ноги встала, а дальше странность произошла. Стащила она месяц серебрянный, что Кощею принадлежал, и на хранения матери отдан был. Надела, и снять никому не дала, больно Вареньке он по душе пришелся, поэтому с ним на груди и выросла.

Талисман лежал на маленьком сердечке, будто всегда там и был. В лунном свете он тихо мерцал — не холодным, а живым, словно сам выбирал свою хозяйку.

Когда девица еще гадким утенком была, да цветком не расцветшим, пришел к Яге погостить Коща, принес в подарок фруктов прежде ей не виданных, да самоцветов. Долго путешествовал колдун ликом молодой, да так и не отыскал суженную. Варюша же при виде мужчины замерла пораженно, а потом показав пальцем в белоснежную голову сказала.

— Меня в жёны возьми.

Оторопел тогда мужчина, посмеялась Яга с Володаром, да только не кончилась на этом история. Закусила Варя удила, и начала твердить матери, что будет женой Кашею, хочет того али нет.

Время текло, как речная вода — незаметно, но неумолимо. Варвара росла, и вместе с ней росла в лесу тихая, но крепкая молва: будто бы сама судьба присматривает за этой девчонкой с золотыми глазами.

Быстро годы пролетели, набрала цвета левица, волосы струились угольной волной до бёдер сочных, глаза озорные пылали огня ярче. Характер был дерзким да буйным, как никак медведица молодая. Носилась она по лесу густому, радуясь весне яркой, тогда то и повстречала дядьку Кощея снова. Омывал он теоса свои в озере неподалеку, в гости видно вновь пришел, там его и застала Варенька. Раскраснелась, спрятавшись облик истинный приняла, но выйти не осмелилась.

Сердце её билось быстро да звонко, даже голову закружило. На глаза от волнения да смущения слёзы навернулись. Кощей же ощутив присутствие чьё-то гаркнул недовольно.

— Кто там?

Варвара от голоса мурашками покрылась, но смелось в ней жила, да и душа была крепкой, вот и ответила она невинно.

— Друг, а коль увидеть желаешь, кинь накидку к деревьям, да отвернись.

Так и поступил мужчина, ощутив внезапно сильный интерес. Много он на веку своём встречал разных женщин, крал царевен, княгинь, да и деревенских встречал, но впервые так его охватил трепет от голоса незнакомого, нежного но игривого.

Отвернулся мужчина, даже глаза закрыл, пока Варвара накинула расшитый самоцветами халат, подпоясавшись кушаком. Цвет алый только подчеркнул красоту ее яркую да буйную, фигуру точенную, изящную.

Когда обернулся Коша, так и замер от красавицы вышедшей из укрытия, даже как дышать забыл. Восторг по телу его волной пронёсся, сердце дрогнуло. Да столько лет, ожил дух бессмертный и встрепенулся.

—Ну здравствуй, друг дорогой, а теперь замуж возьмешь?

Услышав вопрос сразу молодец узрел иглу свою в полумесяц обращенную и осознание больно его ударило. Перед ним стояла дочь Ядвиги, малышка что на руках качал, ту что ищбегал после слов о денидьбе. Никак он не одидал что расцветет девица красотой неземной. Смугтился колдун старый, насупился, магией одежду себе вернул, и пошел навстречу, возвысившись над ней, улыбнувшись через силу, сказав.

— Юна ты еще Варюшка, чтобы женой мне быть. Пошли к матушке твоей, дело у меня к ней есть.

Девушка умилительно надулась на слова такие, но за мужчиной гусенком пошла, стгорая от стыда за сказанное.

А вскоре после той встречи лес зашумел по-иному — тревожно и радостно одновременно. Собирались гости на совершеннолетие Варвары. Изба Ядвиги гудела, как большой улей, и даже старые берёзы, кажется, принарядились в золото.

Ядвига встретила Кошея улыбкой, да хлебосолом, Володар как раз словил в вечере оленя, которого сейчас и жарили на вертеле. Подавала ведьма старая медовуху сделанную на мёду пчел диких. Знатно проходила гулянка в честь совершеннолетия Варвары, туда же явасилья с Вертом наведались, Гетар да Ведамир в лике лося.

Пламя костра плясало да игралось, выхватывая из толпы то смеющиеся лица, то чью-то украдкой сжатую руку. А над всем этим царил Филентий — рыжий хитрец, который видел куда больше, чем показывал.

Филентий смотрел на этот кутеж, жуя свою порцию, наблюдая за любимой праправнучкой, видя какими глазами она смотрит на Кошея, да и наблюдая как колдун старый нет, да нет, а обращает взор на молодку. Решая немного вмешаться, забираясь на плечо Коше, нашептывая ему коварно.

—Красавицей, Варюшка нага выпосла. Кожа молока белее, глаза как одуванчики полевые, волосы черные как крыло воронье. К ней с деревни уж не один кавалер приходил, знаешь что она отвечала им?

Кошей стесняется вопроса, сам не знает почему, отчего лишь кивает незаметно, присоушиваясь сильнее.

—Отвечает она так: Что отдано сердце ее уже, Кошею бессмертному, и станет она его женой ценой любой.

Мужчина теряется от правды такой, смотрит на девицу уже переодетую в сарафан цвета травы луговой, с васильками яркими синими, на глаза что глядят на него блаженно, и понимает одну простую вещь. Ядвига его точно прибуёт, или в болото вернет под кочками лежать в тине да грязи. Вздых судорожный с губ его срывается, сердце бьется гулко да громко, отворачивается Коша и уходит подальше. Совесть его за живое берет крепко, понимает он бежать надо желательно как можно дальше.

Филентий лишь хмыкнул в усы. Он знал эту игру — бегство только разжигает охоту.

Филений лишь хихикает с увиденного, спрыгивая и спеша уже к Ядвиге, садясь к ней на лавку под бочок, шепча загадочно.

— Хочешь, секрет тебе поведаю?

—Говори уж, Филька, Все равно язык за зубами держать не умеешь. Отвечает Яга, глядя зверя верного, любимого друга, замирая от услышанного.

—Похоже Коша наш, увидел наконец что Варька не шутит, и на него нацелилась всерьёз, а главное, по душе она ему. Что делать будешь, ведьма моя?

Тут даже воздух замер. Ядвига медленно перевела взгляд на дочь — ту самую, что когда-то вцепилась в серебряный месяц и не отпустила.

Ягушка лишь плечами пожала, посмотрев на дочь свою прекрасную, говоря коротко.

—В день когда она кулон себе надела, видела я сон. В нём моя девица любимая стояла об руку с Кошеем на Ыоне замок был, яблонька белая, луна сияюще нежная, доченька моя так счастливо улыбалась, глаз не отвести. Судьба их такая, только им пока не говори, нечего торопить грядущее.

Кот ведьмовской довольно фыркнул, выгнулся дугой и замурлыкал. Поставив себе задачу молодым помочь, чтобы не ждало их на пути этом.

А в это время в другом конце поляны разворачивалась своя драма — тихая, почти беззвучная, оттого ещё более острая.

Варвара в это время вновь рядом оказалось с Кощей, руки коснулась, и обожглась. Так ей тепло стало от прикосновения, так комфортно. Вот только одернул руку мужчина, вина его грызла да совесть. Следом ушел не оглянувшись, ранив юную медведицу взглядом острым, холодностью наигранной.

Резануло это по сердцу невинному, побежала она в лес, медведицей обратилась, несясь под закатным солнцем к хрустальному озеру, где всегда была тишь да гладь.

Озеро приняло её молча. Вода была неподвижна и прозрачна, как слеза, и в ней отражалось небо — высокое, далёкое, полное звёзд, которые ещё не зажглись, но уже ждали своего часа. Варвара опустилась на колени у самой кромки, глядя вглубь, и ветер шептал ей что-то на языке, понятном только зверю да потерянному сердцу.

Глава 2

Как только праздник закончился, а все гости разъехались, и оставшиеся спать разлеглись в доме втором, пустом после переезда родителей в деревню, Кошей подошёл к Ядвиге, усадил её за стол для разговора важного.

К беседе этой и Верт с Васильей присоединились. Зажглась лампада, от чая дымок шёл парной, и в его сизых завитках плясали тени от печных углей. На столе лежал каравай, надкусанный, и горшочек с мёдом — Ядвига без угощения никого не оставляла. Когда все уселись, Кошей заговорил.

— Сама знаешь, Яга, путешествовал я недавно и на своём пути девицу встретил. Волосы седые, глаза холодные. Звать её Ледара, дом её за северным хребтом, и подвластна ей магия морозная. Думал, сдружмся, смогу её злое нутро в русло добро перевести. Сильно ошибся. Украла она у меня осколок камня извечной мерзлоты и теперь ищет вторую его половину. Прости меня, подруга дорогая, что подвёл тебя ненароком.

Голос его дрогнул, и он опустил взгляд в кружку. Задумалась Ядвига, вспомнила записи в дневниках бабушки, найденные в закромах дома родового, и ответила ласково:

— Нет, тут вины твоей, Коша. Да и не всё потеряно. Знаю я: если найдёт она кристалл да восстановит, мир во льду канет. Так что надо вам в путь собираться.

— Кому — нам? — удивился Кошей, а потом замер, когда Варвара зашла в двери.

Яркая, запыхавшаяся, с глазами немного припухшими. Спросила невинно, будто и не знаячи, о чём разговор, хоть сама подслушивала намеренно — приросла ухом к щели ещё с вечера, когда Кошей только шептаться начал. Ядвига посмотрела на дочь, встала, волос коснулась ярких да и молвила уверенно так:

— Ты, Варенька, стала взрослой. Ты теперь леса защитница, царица почти. Вот и идите с Кошеем за кристаллом, изничтожьте его, да и дело с концом. Верт с Васильей с вами пойдут.

— Про меня не забудь, Ягушка. Без меня пропадут они, зуб даю.

Промаякал довольно сытый кот, поменяв бочок на тёплой печи после готовки. Яга при виде этой вальяжности лишь вздохнула, сказав:

— И Фильку возьмите, он кот ведьмовской. Свою службу сослужит.

— Филентий я — воспротивился кот, но когда хозяйка села, пришёл и улёгся к ней на колени, подставив вредную рыжую морду под ласки.

— Маменька, а если не справлюсь? — неуверенно спросила девица, пытаясь не смотреть на Кошею, всё ещё обиду в сердце тая.

— Нет у меня дара твоего ведьмовского, только зубы да когти. Чем я могу помочь колдуну?

Мужчина, видя поведение красавицы, вину чувствовал, поэтому сам ответил за Ягу, говоря смело да открыто:

— Когда я колдую, мне всегда защита нужна. И твой отец Володар часто меня выручал, но теперь он уже не молод. Ты ведь сильнее будешь?

Слыша сомнение в голосе колдуна, Варюшка разозлилась, смотря на противника яростно, почти рыча:

— А ты поди проверить хочешь?

И тут же в груди у неё заворочался медведь — захотелось встать на дыбы и ударить лапой по столу, но она сдержалась, только пальцы в кулак сжала. Кошей же смотрел на её ярость, на то, как зрачки становятся медвежьими, на волосы почти дыбом стоящие — и начал смеяться. По-доброму, ласково глядя на красу. Будто увидел что-то давно знакомое и родное, отчего на душе вдруг светло стало.

Не понимая такой реакции, смутилась Варвара, глаза отвела, получив внезапную помощь от Василии, что встала меж ними, разделяя молодых.

— Значит, завтра подготовимся, а в ночи — в путь дорогу. Сами понимаете, спешить надо. Как, кстати, кристалл этот выглядит и где искать его? — спросила беловолосая змея, глазами алыми прищуриваясь на колдуна с болот.

Он выдержал взгляд подозрительный, помнил, как виноват был. Молвил с досадой даже:

— Алого цвета кристалл оный, а вот где искать не ведомо мне, но знаю, у кого спросить. Если по воздуху полетим, быстро сможем добраться до Лукоморья.

— Пару дней лёту, — коротко бросил Верт, беря жену и почти силком утаскивая её в предоставленную спальню, поняв, что слишком много медовухи она осилила на вечеру.

За ними и Ядвига ушла, пожелав снов сладких, к мужу любимому спеша под бочок.

В тесной кухоньке у печи они вдвоём остались. Лампада догорала, бросая золотые блики на лица. От печи тянуло жаром, а между ними — холодком отчуждения. Повисло молчание тяжёлое да неловкое.

Варвара от нервов и не заметила, как кулона коснулась, сжимая нежно, согревая в ладони своей. Кошечей же словно почувствовал касание — не будь колдуном, покраснел бы. Однако сейчас он лишь отвернулся, понимая, как влечёт его красавица напротив, как хороша она собой да дерзка характером.

Сердце бессмертное, тысячу лет не знавшее трепета, вдруг забилося чаще — и это пугало пуце любой битвы.

Варенька, видя, как отворачивается милый сердцу, снова расстроилась. Душа у неё глупая, мудрость ещё не обретшая, принимала всё на свою долю. Тихо, беззвучно покинула она кухоньку, прячась в горнице.

На перину пуховую упала, заливаясь слезами горькими, но всё равно трепеща внутри от путешествия грядущего. Не думала девица, что и ей выпадет в жизни шанс спасти мир, а главное — помочь колдуну великому, что каждую ночь ей во сны приходит.

В них он слова ласковые говорит, обещая мир целый, а наяву — молчит и отворачивается. Тяжёлый вздох с губ сорвался, а следом сон одолел красавицу нашу, даря слепую, глупую надежду.

Солнце ещё не взошло, только розовый край неба заглянул в окно, когда Варвару разбудило мурлыканье. Кто-то тяжёлый топтался на перине рядом, наступая мягкими лапами на её плечо.

— Вставай, соня. Всю ночь редела, подушку всю извела. Хорошо, я вовремя пришёл — а то бы утонула в слезах.

Филентий — а это был он, рыжий, наглый и почему-то очень ласковый — ткнулся носом в её щёку. Варвара открыла глаза и увидела кота, сидящего на подушке и смотрящего на неё жёлтыми глазами с непривычным сочувствием.

— Филька — прошептала она охрипшим голосом.

— Филентий, — поправил он, но без обычной вредности. — Слышал я, как ты плакала и про сны твои знаю. Кошечей этот старый ох, дурень. Столько лет живёт, а ума не нажил. Видит, что девица по нему сохнет, — а сам нос воротит.

— Он меня не любит, — тихо сказала Варвара, отворачиваясь к стене.

— Пф-ф-ф, — кот фыркнул так, что занавеска колыхнулась. — Не любит он, как же. Если бы не любил, не смотрел бы на тебя так, будто ты — последний живой огонь в стылой ночи. Я, между прочим, видел, как он вчера руку протянул, чтобы волос твоих коснуться, — и отдёргнул, будто обжёгся.

Варвара резко села:

— Правда?

— Я что, похож на вруна? — кот обиженно задрал хвост.

— Ладно, не похож.

— Слушай, девица. Ты медведица, а не кисейная барышня. Соберись. В поход идём, а там — может, и растает твой ледяной колдун. А не растает — мы его мордой в сугроб. Я помогу.

И он лизнул её в нос шершавым языком. Варвара всё-таки улыбнулась сквозь слёзы.

День закружился суетой. Ядвига командовала у печи: заворачивала в холстину вяленое мясо, сухари, горшочек с мёдом, пригоршню сушёных трав. Володар точил нож для Варвары, хотя она больше на когти рассчитывала.

— Вот тебе, дочка, клубок. Не простой, а путеводный. Как чувствовать будешь, что потерялась, — кинь на землю, он сам дорогу покажет.

Варвара спрятала клубок за пазуху, рядом с серебряным месяцем. Верт и Василья собирались молча. Он — в чёрном плаще, с коротким мечом на поясе. Она — в белом, с длинной косой, в которую вплела защитные ленты. Василья поглядывала на мужа с тревогой, но не показывала виду.

Кощей стоял у двери, спиной ко всем. По его напряжённым плечам можно было понять, что он ждёт момента, когда можно будет уйти от толпы.

Но Варвара чувствовала: он оборачивался. Несколько раз за утро она ловила его быстрый взгляд — и каждый раз он отворачивался первым. Сердце её то замирало, то билось как бешеное.

— Будете слушаться старших, — наставляла Ядвига, поправляя пояс на Варваре.

— Верт, ты за воздух отвечаешь. Василья — за грани. Кощей — чтоб ни одна живая душа не пропала. А ты, девочка моя, — она взяла лицо дочери в ладони, — не прячь своего сердца. Если любишь — покажи. Если боишься — всё равно делай. Проклятья да страхи копить в себе вредно.

— Маменька — Варвара обняла её так крепко, что Яга охнула.

— Иди уже, медведица моя и помни: ты сильнее, чем думаешь.

Кот Филентий запрыгнул на плечо Варваре, оттуда — на голову Кощей, чем вызвал глухое ворчание колдуна. Но бессмертный скинуть круглый пушистый шар не решился — видно, уважал кошачью древность.

На закате вышли во двор. Верт встал в центр, закрыл глаза — и обернулся огромным чёрным вороном, с крыльями, что метелицу поднимали. Василья, улыбнувшись, свернулась белой змеей, блестя чешуёй, и обвилась вокруг вороньей шеи.

— А нам как? — спросила Варвара.

— А мы на облаке, — Кощей махнул рукой, и из-под земли поднялся клочок тумана, закружился, окреп, превратившись в пушистое белое облако с серебряными краями.

— Садись девочка.

Варвара нерешительно ступила — облако оказалось упругим, как перина. Кот Филентий плюхнулся рядом, довольно зажмурился. Кощей встал на край, лицом вперёд, и облако мягко оторвалось от земли. Понеслись над лесом.

Верт кружил рядом, иногда подлетая близко — Василья свешивала змеиную голову, оглядывая равнины. Ветер свистел в ушах, но облако защищало от холода.

Варвара попыталась заговорить с Кощей, но голос унесло ветром. Тогда она просто смотрела на его спину, на белые волосы, развевающиеся ветром, на то, как он напряжённо сжимает край облака и вдруг он обернулся. Их взгляды встретились. В его глазах шевельнулось — что-то тёплое, смятенное, почти испуганное. Она не отвела глаз. Ни через миг, ни через другой.

Кощей дрогнул, шагнул к ней невольно очарованный — и в этот момент облако качнуло, Варвара потеряла равновесие. Он подхватил её за локоть. Ладонь его была ледяной, но Варвара не отдернула руку.

— Сядь, — сказал он хрипло. — Долго лететь.

Она села, и он, мгновение поколебавшись, опустился рядом. Не вплотную — на расстоянии вытянутой руки. Но теперь они сидели бок о бок, глядя, как внизу проплывает земля, залитая лунным светом.

— Кошей — начала Варвара.

— Потом, — оборвал он речи сладкие, но мягко. — В Лукоморье поговорим, а сейчас — смотри. Звёзды сегодня яркие.

Она посмотрела на небо и правда, звёзды казались так близко, что можно было рукой достать. Почему-то от этого стало легче. Кот Филентий, свернувшийся клубком у неё на коленях, довольно мурлыкнул:

— Ну вот, уже лучше, а ты боялась.

Варвара погладила его и украдкой посмотрела на Кошею. Он смотрел вперёд, но краешек губ его чуть дрогнул — в улыбке ли, в усмешке? Она не поняла.

Впереди их ждало Лукоморье и неизвестность. Но сейчас, в эту минуту, Варвара чувствовала: самое страшное уже позади. Потому что Коша рядом, а остальное приложится.

Глава 3

Из временного разлома Ведамир вышел первым — копыта его коснулись невидимой тверди, и по ней пошли серебристые круги, будто он ступил на воду. Разлом закрылся за ним бесшумно, оставив в воздухе лишь лёгкое мерцание, похожее на утреннюю дымку. Лось шагнул по небу, высоко подняв голову, и ветер играл в его густой шерсти.

Следом за ним, чуть поодаль, плыло небольшое пушистое облако. Сначала на нём было трое: Варвара, Кошей и Филентий. Кот устроился у хозяйки в ногах, свернувшись рыжим клубком, и делал вид, что дремлет. Кошей сидел на краю, глядя вниз. Облако мягко покачивалось, ветер тихо посвистывал в ушах.

Варвара задремала первой — то ли от убаюкивающего полёта, то ли от того, что ночь выдалась бессонной. Сон пришёл тихо, подкрался незаметно, сомкнул веки пуховыми лапами. Ей снилось что-то тёплое и зыбкое — то ли дом, то ли лес, то ли чьи-то золотые глаза, которые смотрели на неё сквозь туман. А может, всё сразу.

Филентий, почувствовав, что хозяйка уснула, приоткрыл один глаз, потом второй. Посмотрел на Кошею. Посмотрел на Варвару. Вздохнул.

— Ну всё, — сказал он тихо, чтобы не разбудить. — Я пошёл.

И, не дожидаясь ответа, переступил с облака на спину Ведамира, который летел рядом. Лось даже ухом не повёл — привык уже к кошачьим выходкам. Кот устроился на могучей холке, свесил лапы и уставился вдаль. За время полёта он успел и подремать, и умыться, и даже поругать ветер за то, что тот путает его усы. Но сейчас молчал — и не потому, что сказать было нечего. Просто чувствовал: на облаке сейчас не место ничьим усам, кроме тех, что уже там остались.

А на облаке остались только двое. Варвара спала, свернувшись калачиком. Чёрные волосы её рассыпались по облачной перине, лицо было безмятежным, дыхание — ровным и тихим. Кошей сидел на краю, на расстоянии вытянутой лапы, и смотрел вниз — не на море, а на неё. Облако послушно несло их вперёд, изредка окутывая спящую лёгким туманом, будто укрывая одеялом.

Василья тем временем сидела на шее у Верта, обхватив его за плечи. Ворон летел неторопливо, расправив огромные крылья, размах которых был поистине царским. Он мог увеличиваться в размерах, когда хотел — сейчас его тело было длиной с добрую лодью, и он нёс жену так же естественно, как нёс её сквозь жизнь уже много лет.

— Хорошо-то как, — сказала Василья, прикрыв глаза. Ветер трепал её белые волосы, и Верт чувствовал, как они щекожут его шею.

— Хорошо, — согласился он. — Ты только держись крепче.

— Я всегда за тебя держусь, ворон ты мой ясный!

А внизу разворачивалась красота неземная.

Открыла Варвара глазаньки — и ахнула.

Первые лучи солнца осветили её лицо, тронули ресницы, заиграли в чёрных волосах, рассыпавшихся по облаку. Варвара зажмурилась на миг, а когда открыла вновь — вдохнуть не смогла. Море простиралось внизу до самого края земли, бескрайнее, живое, только проснувшееся. Оно не было просто синим — оно переливалось цветами, каких она прежде не видывала. Бирюза у самого берега, лазурь подальше, а там, где солнце касалось воды, вспыхивали золотые и розовые искры, будто кто-то рассыпал по волнам драгоценные камни. Волны вставали и опадали медленно, сонно, потягивались, как огромный зверь после долгой спячки.

— Диво дивное... — выдохнула Варвара, и голос её сорвался на шёпот.

Кошей сидел на краю облака и смотрел на неё — на распахнутые глаза, на приоткрытые от изумления губы, на чёрные волосы, которые ветер разметал по плечам. Он молчал. Не потому, что нечего было сказать. Просто боялся разрушить мгновение.

Берег приближался быстро — море под ними мелело, серебрилось, разбивалось о песок первыми робкими волнами. Ведамир пошёл на снижение первым, копыта его коснулись земли мягко, почти невесомо. Филентий, сидевший на холке, сполз по лосиной шее, как по горке, и встал на траву, отряхиваясь.

— Ну вот и добрались, — молвил кот, озираясь по сторонам. — Земля под лапами твёрдая, и на том спасибо.

Следом приземлился Верт. Он уменьшился до своего обычного размера — всё ещё крупного ворона, но уже не чудовищного, — и Василья легко спрыгнула на землю, поправляя платье. Верт тут же оказался рядом, одёрнул съехавшую лямку её котомки, и Василья, привычно улыбнувшись, взяла его за руку.

— Ну как, не укачало? — спросил он.

— Ты же меня нёс, — ответила она. — У тебя на спине даже ветер не качает.

А облако с Варварой и Кошеем опустилось последним. Оно мягко ткнулось в землю, выпустило из себя путников и растаяло, оставив на траве капли утренней росы. Варвара шагнула вперёд, ноги её чуть подкосились — слишком долго спала в неудобной позе. Кошей молча подставил локоть, она оперлась на мгновение, кивнула, отпустила.

Варвара полезла за пазуху, нащарила там узелок, развернула — и на ладонь выкатился небольшой шерстяной клубок, тёплый, чуть светящийся изнутри. Ядвига дала его на прощание, наказала на ушко, шёпотом, еще в избе: «Кинь наземь — сам путь укажет. Только сердцем ему доверяй, не сомневайся». Варвара тогда посмеялась — ну что за диво, клубок как клубок. А теперь, стоя на чужой земле, в Лукоморье, где даже трава как живая была, поняла: не простой это дар.

— Ну что, родимый, — сказала она клубку негромко, — выводи на путь дорожку, нужную.

И кинула его на траву.

Клубок покатился. Не спеша, перебирая шерстяными боками, повёл их между деревьями, по тропинке, которой никто не топтал, но которая была — тёплая, чуть заметная, выстланная мхом и прошлогодними листьями. Варвара шла следом, не оглядываясь. Знала: остальные за ней. Кошей — сзади, на расстоянии вытянутой руки. Василья с Вертом — чуть поодаль. Ведамир остался на опушке, не решился ступить дальше, только крикнул вслед:

— Ежели что — зовите. Я услышу.

Лукоморье встретило их тишиной. Не пустой — живой, наполненной шорохами, птичьими голосами, шелестом листвы и чьим-то далёким, едва слышным смехом. Трава здесь была не просто зелёной — она светилась изнутри, будто по жилам её текла не вода, а лунный свет. Цветы, каких Варвара отродясь не видывала, кивали им вслед разноцветными головками, а деревья стояли такие старые, что, казалось, помнили ещё тех, кто ходил по этой земле до людей.

— Место-то какое, — шепнул Филентий, и в голосе его впервые за долгое время не было ворчливости. — Дух захватывает.

— Ты бы ещё прослезился, — усмехнулась Василья, но сама смотрела вокруг с таким же благоговением.

Клубок катился ровно, уверенно. Иногда он останавливался, словно прислушиваясь к чему-то, потом поворачивал и катился дальше. Варвара не торопила. Ядвига наказывала: «Клубок обмануть нельзя. Поторопишь — собьёшь. Иди за ним, как за судьбой, спокойно и смиренно».

Шли долго. Или не очень — здесь время спуталось, перемешалось, потеряло счёт. Солнце висело в одной точке, не двигаясь, но ноги уже гудели, и в горле пересохло. Василья шепнула Варваре на ухо:

— Здесь время по-другому течёт. Я кожей чувствую.

— И я чувствую, — ответила Варвара, не оборачиваясь.

И вдруг клубок остановился. Подкатился к краю поляны и замер, будто указывая: вот, пришли, дальше я не хозяин. Варвара нагнулась, подняла его, спрятала за пазуху. И подняла голову.

Деревья расступились, словно поклонились.

Поляна открылась неожиданно — широкая, залитая солнечным светом, посреди которой стоял дуб. Не просто дуб — Дуб. Ствол его уходил в небо, теряясь где-то в облаках, а ветви раскинулись так широко, что закрывали полнеба. На ветвях висели не жёлуди, а маленькие колокольчики, которые звенели без ветра, и в этом звоне слышалась то ли песня, то ли плач. А меж ветвей, среди листвы, мелькали чьи-то хвосты — серебряные, рыбы, и раздавался тихий, заволаживающий смех.

— Русалки, — тихо сказал Филентий, пригнувшись. — Сказывают, они здесь на ветвях гнезда выют. Не тронь их — не тронут и тебя.

Варвара подняла голову. Одна из русалок — зеленоволосая, с глазами как два омуты — посмотрела на неё сверху, улыбнулась, сверкнула хвостом и спряталась за листвой.

А у подножия дуба, на толстой цепи, ходил кот.

Он был огромен — шерсть его переливалась серебром и золотом, глаза горели жёлтым огнём, а ходил он по цепи туда-сюда, туда-сюда, и цепь под ним не гремела, а пела — басовито, тягуче, как дальняя дорога.

Увидев гостей, кот остановился. Сел. Обернул хвост вокруг лап и посмотрел на них долгим, изучающим взглядом.

— С добрым утром, путники, — молвил он, и голос его звучал как старый, потрескавшийся колокол. — С добрым часом, нежданные. Давненько в Лукоморье гости не хаживали. По какой нужде пожаловали? По зову ли сердца, по велению ли судьбы?

Филентий, до того державшийся позади, вдруг вышел вперёд, усы распушил, голову поднял.

— По делу мы, хозяин, — сказал он твёрдо. — По важному. Дорога нам лежит дальше, да не знаем мы, куда ступить. Сказывают, ты здесь главный, ты и подскажешь.

Кот посмотрел на кота. Серебряный — на рыжего. Огромный — на не очень большого. И тот, и другой молчали долго, а потом Баюн, а это был именно он, усмехнулся краем рта, и в глазах его загорелось что-то тёплое, кошачье.

— Говорящий, — сказал он. — И не просто говорящий — с душой. С характером. Нравись ты мне, рыжий.

— И ты мне, старый, — ответил Филентий, и в голосе его впервые за долгое время не было ворчливости, а было что-то вроде уважения. — Давно я котов такого породы не встречал. Больно вы тут огромные.

— Место такое, — вздохнул Баюн. — Не разгуляешься если ростом от горшка два вершка. Ладно, проходите, гости дорогие. Устали с дороги, небось. Чайку испейте, отдохните, а там и поговорим.

Он махнул лапой, и в воздухе возникла скатерть-самобранка — с пирогами румяными, мёдом липовым, ягодами лесными и горячим отваром, от которого пахло мятой и сном. Варвара опустилась на траву, усталость вдруг навалилась на плечи, но она не жаловалась. Смотрела на дуб, на кота, на русалок в ветвях — и чувствовала, что время здесь и правда другое. Тягучее, как патока.

Баюн пил чай маленькими глотками, шурился, поглядывал на Варвару. Потом заговорил — не спеша, вкрадчиво, как старый сказочник, который знает тысячи историй и каждую рассказывает только один раз, а второй не повторяет.

— Знаю, зачем пришли, — молвил он. — Чую. Чую беду, что за вами по пятам крадётся. Не сейчас — потом настигнет. Настигнет и не отпустит. Потеряете вы много, путники. Кто — друга, кто — надежду, кто — себя. Всё перемелется, всё изменится, когда пройдёте испытание. Не будет больше прежней жизни. Ни у кого.

Варвара подняла на него глаза. Чёрные волосы упали на лицо, но она не убрала — только спросила тихо, но твёрдо:

— Скажи, дедушка, а пройдем мы? Выдюжим?

Баюн посмотрел на неё. Долго. Серьёзно. На медведицу молодую, в которой течёт кровь и ведьмы, и царя леса. Которая не боится задавать вопросы, даже когда ответ может быть страшным.

— Выдюжишь ты, Варвара, — сказал он наконец. — Потому что некому больше, а вот цену заплатишь — большую. Звериную. Человечью. Всё отмерится.

Кощей, сидевший чуть поодаль, подобрался, напрягся. Варвара положила руку ему на запястье — легонько, на миг — и убрала. Не нужно ей было, чтобы он встревал. Сама справится. Медведица — не девка хлипкая.

— Так что ж нам делать-то, дедушка? — спросила она. — Как дальше идти?

Кот встал, потянулся, зевнул, показывая клыки — острые, как старые ножи. Потом подошёл к дубу, коснулся лапой ствола, и дерево загудело, запело, зашелестело листвой, будто что-то вспомнило.

— Есть у меня для вас задания, — сказал Баюн. — Опасные, трудные, не для слабых сердец. Одних отправлю за живой водой — она в росах папоротника, что цветёт у Змеевых гор, раз в сто лет. Других — за мёртвой, там колодец за Мглистым мостом, вода в нём тяжела, как горе материнское. Только тогда и сложится карта. Только тогда и сыщете дорогу дальше. Пока, гости дорогие, — отдыхайте. Завтра на рассвете — в путь.

Он обернулся к Филентию, и два кота — старый и очень старый, серебряный и рыжий — посмотрели друг на друга с пониманием, какое бывает только у тех, кто прожил на свете не одну жизнь.

— А ты, рыжий, останься, — сказал Баюн тихо. — Потолкуем. Дело есть.

Филентий кивнул, подошёл, уселся напротив. Баюн налил ему отвару в блюдце, пододвинул лапой.

— Сказывают, ты душу в себе двойную носишь, — молвил он вполголоса, чтобы другие не слышали. — Правда ли?

— Правда, — ответил Филентий, глотнул отвару, облизнулся. — Срослось уж, не разберёшь, где я, где дед Архип.

— Нелегко, поди.

— Привык. — Кот помолчал, добавил тише: — Сначала тяжело было, а теперь — как родные, внучка у нас одна, да правнучка.

Баюн усмехнулся, и в глазах его мелькнуло что-то древнее, грустное.

— Редкий дар, — сказал он. — И проклятие. Всё вместе.

— Знаю, — вздохнул Филентий. — Знаю, старый. Так уж вышло.

И они замолчали — два кота под дубом, в Лукоморье, где время текло иначе, а судьба уже раскручивала свой клубок, готовясь бросить путников в самую гущу испытаний.

Варвара сидела на траве, прислонившись спиной к стволу берёзки — не той, что у дуба, а поменьше, поскромнее. Смотрела на дуб, на русалок в ветвях, на цепь, которая пела свою тягучую песню, и думала о своём. О доме, о Ядвиге, о Володаре, об отце. О том, что внутри неё

спит зверь, а она сама — и не ведьма вовсе, а медведица. И, может быть, именно это поможет там, где ведьмовская сила бессильна.

Чуяло её звериное сердце — правду говорит Баюн. Многое потеряют. Многое изменится. Но другого пути нет.

Кошей сидел рядом, на расстоянии вытянутой руки, и смотрел на неё — чёрные волосы, прямой взгляд, упрямый подбородок. Чувствовал в ней не колдовство, а звериную силу, тёплую, живую, такую непохожую на его холодную пустоту. В белых его глазах впервые за тысячу лет появилось что-то, похожее на надежду.

Или на страх, или на то и другое вместе — не различить.

А над дубом, в ветвях, русалки запели — тихо, печально, о том, что было, и о том, что ещё не случилось. И песня эта разносилась над Лукоморьем, над морем, над лесами, и каждый слышал в ней своё — потерю или обретение, конец или начало.

Варвара закрыла глаза. Слушала.

И выжидала, как дикий зверь перед решающим рывком.

Глава 4

Славно бормотал сказки Баюн. Голос его — то низкий, как дальний гром, то высокий, как звон ручья — лился, переливался, обволакивал. Кот рассказывал о том, как впервые цепь на дубе зазвенела, как русалки на ветви забрались, спасаясь от водяного, как солнце с месяцем в Лукоморье в прятки играли, как дуб корнями держит небо, а ветвями — землю. Сказки его были тягучими, как медовый сбитень, и сладкими, и горькими одновременно.

Варвара слушала, сидя на траве, прислонившись к берёзке. Глаза её слипались. Она попыталась бороться со сном — дёрнула плечом, мотнула головой, но Баюн понизил голос до шёпота, и колдовство его слов опустилось на неё, как пуховое одеяло. Веки стали тяжёлыми, дыхание ровным. Она откинула голову на ствол и заснула.

Ей приснилось озеро. Не простое — зеркальное. Вода в нём была чёрной, как вороново крыло, но гладкой, как отполированный камень. Ни ряби, ни волны. Варвара стояла на берегу босая, трава щекотала ей пятки, пока она смотрела вниз. В отражении, в самой глубине, медленно проступало её лицо — но не то, которое она знала.

Другое.

Огромное, лобастое, с густой шерстью и маленькими глазами, полными древней печали. Медведица. Она сама — ее второй облик. Варвара протянула руку к воде, хотела коснуться, спросить. Но отражение дрогнуло. По чёрной глади пошли круги, и медвежья морда стала таять, расплываться, уходить в глубину, исчезать. Варвара хотела закричать: «Постой! Вернись!» — но голоса не было. Она стояла на берегу, смотрела, как утекает её звериная суть, и страх сжимал сердце. А вода всё расходилась кругами, и в последней ряби мелькнуло что-то красное, как кровь на снегу.

Очнулась Варвара от касания. Кто-то тронул ее за плечо — бережно, ласково, словно боялся разбудить. Она распахнула глаза и замерла. Рядом на корточках сидел Кощей. Его белые глаза — слепые, но видящие больше, чем положено — смотрели на неё с такой тревогой, какой Варвара ещё ни разу в них не замечала. Его бледная рука всё ещё лежала на её плече, холодная, но не пугающая.

— Пора в путь, — сказал Кощей тихо. И, смутившись своего жесту, убрал руку, отодвинулся. — Кот велел в путь собираться. Солнце уже высоко.

— Коль велел, — Варвара потянулась, прогоняя остатки сна, встала на ноги, отряхнула платье. — Пойдёмте, други добрые, на испытания страшные.

Она оглядела поляну. Василья и Верт уже стояли у дуба, переговаривались вполголоса. Филентий важно восседал на корнях, умывая лапой морду. Баюн, закончив сказку, сидел в тени и смотрел на гостей с ленивым кошачьим любопытством.

Варвара шагнула было к Кощей — хотела встать с ним в пару, как сердцу требовалось, — но в тот же миг чья-то рука перехватила её за локоть. Василья. Змея улыбалась — хитро, по-женски, с прищуром.

— А ну-ка, девонька, — сказала она, — пойдём-ка мы с тобой вдвоём. Пошушукаемся, мудростями девичьими поделимся. Вы же, молодцы красные, уж как-нибудь без нас.

Она обернулась к Варваре, подмигнула, а через плечо бросила мужу:

— Верт, милый, вы с Кошеем и Филентием за мёртвой водой ступайте. Мы с Варюшкой — за живой отправимся. Баюн так велел, не мне перечить.

Верт кивнул. В его глазах мелькнуло что-то — не вопрос, даже не тревога, а скорее понимание. Он переглянулся с женой, и в этом взгляде, долгом и тёплом, было столько сказано без слов, что Варвара почувствовала себя лишней. Но Василья уже тащила её за руку прочь с поляны, в ту сторону, куда указывала тропа, уходящая к Змеевым горам.

Кошей остался стоять под дубом. Он смотрел вслед Варваре — на её чёрные волосы, развевающиеся по ветру, на изгиб спины упрямый, на поступь лёгкую девичью. Тоска вдруг кольнула сердца холодного под рёбрами — такая острая, что он даже замер. Потерялся сам в себе. Верт, оказавшийся рядом, положил ему руку на плечо.

— Не бойся, — сказал ворон негромко. — Василья её не обидит. И не даст в обиду.

— Я не боюсь, — ответил Кошей. И сам удивился — потому что боялся. Очень. Только впервые не за себя.

Филентий, до этого умывавшийся, встряхнулся, подошёл, потёрся о ногу Кошея — не от нежности, а скорее по привычке дружеской. Старый кот чуял настроение.

— Идём, — сказал он. — Нам другая дорога. Мёртвая вода сама себя не наберёт. И они двинулись — Верт, Кошей и Филентий — в противоположную сторону, туда, где за Мглистым мостом ждал свой колодец.

Тропа, по которой Василья вела Варвару, вилась между камнями, поросшими мхом. Мох был не зелёным, а серебристым, словно луна выбелила его за ночь. Под ногами хрустели мелкие ракушки: — откуда они здесь, в горах, далеко от моря? — а в воздухе пахло снегом и розами. Странное сочетание, но оно не резало, а, наоборот, успокаивало.

— Ты не спрашиваешь, куда мы идём, — сказала Василья, когда тропа вывела их на каменный карниз.

Внизу, далеко-далеко, шумела невидимая река, а впереди, на горизонте, уже угадывались острые пики Змеевых гор. Они были покрыты не снегом, а чем-то зелёным, что переливалось на солнце, как чешуя.

— Я тебе верю, — ответила Варвара. — Ядвига про тебя много хорошего говорила и Филентий тоже.

— Что говорил? — Василья усмехнулась, поправляя на поясе флягу для воды. — Что я скользкая вредина?

— Что ты верный друг, — сказала Варвара серьёзно. — И что змеинная суть в тебе — не злая, а мудрая и очень древняя. И что дом у вас в другом лесу, далеко отсюда, но вы всё равно пришли помочь без раздумий.

Василья кивнула, и лицо её стало мягче.

— Есть у нас дом, — сказала она. — В глухом лесу, на берегу тихой реки. Верт его из брёвен сложил, крышу дранкой покрыл, внутри печь выложил. Я там травы сушу, зелья варю. Он — стрелы точит, хотя стрелять давно разучился. Просто для души. Но когда Ядвига зовёт — мы бросаем дела и заботы. Потому что она наша хозяйка. А ты — наша новая надежда.

Варвара смутилась, отвернулась.

— Не говори так, — попросила она. — Я ещё ничего не сделала.

— Сделаешь, — твёрдо сказала Василья. — Я в тебя верю.

Они неловко помолчали и пошли дальше, перебираясь через камни. Трава здесь была жёсткой, колючей, а кое-где из трещин выглядывали цветы, похожие на маленькие синие звёзды. Варвара нагнулась, хотела сорвать один, но Василья перехватила её руку.

— Не надо, — тихо сказала она. — Это слезы утопленниц. Они запомнят и обидятся.

Варвара отдернула руку и больше к цветам не тянулась.

— Скажи, — вдруг спросила Варвара, когда тропа сделала крутой поворот, открывая вид на ещё один хребет, — а как вы с Вертом стали парой? Ядвига рассказывала, что вы оба — хранители, что Агидель вас спасла. Но вы же не просто звери? У вас есть душа, чувства. Кто первый полюбил?

Василья засмеялась — звонко, по-девичьи, так что эхо покатилося по скалам.

— Я, конечно, — сказала она. — Я его ещё при Агидель заметила. Он тогда весь израненный был, но гордый. Крыло сломанное, а сидит прямо, не стонет. Я к нему подползла — зашипел. «Уйди, говорит, змея подколотная». А я обиделась, уползла. Но смотреть не перестала.

— А он?

— Меня намерено не замечал, — вздохнула Василия. — Или делал вид, что не замечает. Ядвига говорила: «Он стесняется, Василия. Вороны — они такие, пока не привыкнут — молчат», а я не верила. Думала — не любя я ему.

— Кто ж первым шаг навстречу сделал, ты или он? — спросила Варвара с интересом.

Василия слегка покраснела, улыбнулась и молвила задорно:

— Так кто ж, ежели не я? Я своё всегда беру, даже если оно брыкается и пытается улететь!

Варвара смеялась, и в этом смехе таяла тревога.

— У вас странная любовь с ним, Вертом, — сказала она.

— Самая обычная, — возразила Василия. — Просто честная. Без обмана, а вы с Кошечем так же будете любить, да жить душа в душу. Я вижу.

Варвара покраснела, но спорить не стала.

Вскоре они подошли к широкой расщелине между двумя скалами, похожими на змеиные головы. Из расщелины тянуло влагой и цветочным ароматом — таким сильным, что кружилась голова. Внутри, в глубине, слышался тихий, певучий звон — живая вода пела.

— Пришли, — сказала Василия. — За этими камнями — пещера. В ней цветёт папоротник, и на нём — роса. Живая вода. Я пойду первой.

— Почему ты? — спросила Варвара. — Мне же собирать.

— Потому что я змея, я вижу в темноте, и я уже проходила испытание однажды, а ты — за мной девица да не перечь, и делай, что скажу.

Они вошли. Пещера оказалась не тёмной — стены светились фосфорным светом, прожилки какого-то минерала тянулись по камню, как вены. Под ногами хрустел песок, смешанный с мелкими ракушками. Воздух был густым, сладким, от него кружилась голова.

— Держись за мою руку, — скомандовала Василия. — Здесь есть провалы.

Варвара послушалась. Шли медленно, осторожно. Где-то капала вода, и капли отзывались звоном — разным, музыкальным. Казалось, сама пещера играла мелодию. На стенах иногда мелькали тени — не то люди, не то звери, не то духи. Они смотрели, но не трогали.

— Стоп, — вдруг сказала Василия.

Варвара замерла. Впереди, в двух шагах, пол обрывался. Внизу, в темноте, что-то блестело — мокрые камни, острые, как зубы. Там, на глубине, клубился туман, а из него торчали сталактиты, похожие на клыки.

— Видишь? — спросила Василия. — Шаг влево, шаг вправо — и всё конец сказочке. Идём по стеночке, я первая.

Она отпустила руку Варвары, перешагнула через трещину — широко, легко, по-змеиному, — повернулась, протянула ладонь:

— Давай. Только не смотри вниз.

Варвара сделала шаг — и в тот же миг камень под её ногой дрогнул, просел. Край обрыва обломился, и она полетела вниз, в чёрную пасть, где в тумане её ждали острые зубья. Варвара вскрикнуть не успела — только ветер свистнул в ушах, и перед глазами мелькнула темнота. Но Василия успела.

Змея обернулась мгновенно — не полностью, а наполовину: нижняя часть тела стала серебристой, чешуйчатой, мощной, с огромным хвостом, который обвил каменный выступ, врос в него, как корень. А верхняя, человеческая, рванулась вниз, в пропасть, и её рука — длинная, сильная, с хищными когтями — схватила Варвару за запястье. Железной хваткой. Намертво.

Варвара повисла над бездной. Раскачивалась, как маятник. Внизу, под ней, что-то щёлкало — то ли камни падали, то ли само дно открывало пасть.

— Не дёргайся, подруженька. — прошептала Василия. Голос её был чужим — змеиным, древним. — Доверься. Я тебя не брошу.

Она тянула медленно, плавно, по сантиметру. Мышцы на её руках вздулись, лицо покраснело от напряжения, на висках вздулись вены. Хвост, обвивавший выступ, скользил — камень крошился, но держал.

— Тяжелая, — прошептала Василья. — Ох и тяжелая, медведица...

Она подтянула Варвару на локоть, потом ещё. Внизу, в пропасти, что-то глухо ударилось — откололся камень, который Варвара задела ногой. Ещё немного — и она на твёрдом полу. Василья, не отпуская её, рухнула рядом, тяжело дыша.

— Жива? — выдохнула змея.

— Руки на месте, ноги тоже, — прошептала Варвара, чувствуя, как дрожат её колени. — Ты ты меня спасла.

— Подумаешь, — отмахнулась Василья, но голос её дрожал. — Я ж тебя не за тем привела, чтобы ты тут кости сложила. Я перед Ядвигой ответ держу, перед твоим отцом.

— Спасибо, — Варвара обняла её. Крепко, по-медвежьи.

Василья сначала напряглась — не привыкла к обниманиям, — а потом расслабилась, даже рукой по спине погладила.

— Знаешь что, — сказала Варвара, отстраняясь и глядя ей в глаза. — Если у меня когда-нибудь родится дочь, я назову её Василисой. В твою честь. Пусть она будет такой же храброй и верной, как ты.

Василья замерла. Её красные глаза расширились, стали влажными.

— Ты серьёзно? — спросила она севшим голосом.

— Клянусь, совестью своей, — ответила Варвара. — Ты заслужила и не только за то, что спасла меня сейчас, а за всё. За то, что служила моей матери, за то, что пришла сюда, за то, что подружкой мне стала верной, не было у меня такой давичи.

Василья долго молчала, потом улыбнулась — широко, по-настоящему, с такой теплотой, что, казалось, даже стены пещеры потеплели.

— Хорошо, — сказала она. — Я тебе тогда мудрость свою подарю. И научу твою Василису пироги печь, да примудростям женским.

Они рассмеялись обе — нервно, облегчённо, со слезами на глазах. Встали, отряхнулись. Пошли дальше — теперь ещё осторожнее. Вскоре пещера расширилась, и девушки вышли в огромный грот.

Посредине, на каменном возвышении, рос папоротник. Не простой — огромный, с листьями, которые светились изнутри золотым светом. На каждом листе висели капли росы — крупные, тяжёлые, переливающиеся всеми цветами радуги.

— Вот она, — прошептала Василья. — Собирай.

Варвара подошла, достала скляницу. Капли сами падали в неё, едва она подносила руку — тёплые, живые, они пульсировали в стекле, как маленькие сердца.

— Спасибо, — сказала Варвара папоротнику. Он качнул листьями в ответ.

Она собрала последнюю каплю, закрыла скляницу и повернулась к Василье.

— Сделано дело не лёгкое.

— Тогда пошли, ещё обратно идти, — кивнула змея. — И помни про обещание.

— Век, не забуду.

Они вышли из пещеры — навстречу солнцу, которое уже клонилось к закату.

Верт, Кощей и Филентий шли в другую сторону — вниз, к западному краю Лукоморья, где лес становился реже, а земля — темнее и сырее. Тропа здесь была не травяной, а глиняной, скользкой от недавнего дождя. Солнце сюда почти не заглядывало, и воздух пах болотом, грибами и чем-то кислым.

— Я уже не люблю это место, — проворчал Филентий, перепрыгивая через лужу. — Шерсть вся мокрая теперь, еще и дыбом стоит. Да и воняет тут как из старого погреба.

— Мёртвая вода не любит живых, — спокойно ответил Верт. — Она отталкивает. Это естественно.

— А ты как себя чувствуешь? — спросил Филентий у Кошечья. — Ты же вроде мёртвый?

— Я — между, — ответил Кошечья. — Не живой, не мёртвый. Может, она меня и подпустит.

Они шли почти молча. Филентий, уставший, влез на спину Верта — тот не возражал. Кошечья шагала рядом, глядя себе под ноги. Он думал о Варваре. О том, как она спала на облаке, как чёрные волосы рассыпались по белой пене, как она тронула его запястье. Просто так или намеренно.

— Ты из каких краёв сам, Кошечья? — вдруг спросил Верт.

— Был человеком, — тихо сказал Кошечья. — Давно. Жил в лесу, строил дом. Потом пришла беда. Я умер в болоте, встал уже другим. Не помню, кто проклял. Может, сам себя.

— Тяжёлая судьба, — заметил Верт.

— Не жалуюсь, — ответил Кошечья. — Всё, что было — быльём поросло. Не надо тревожить прошлое, ворон.

Они подошли к Мглистому мосту. Камни были скользкими, поросшими сизой слизью, а под мостом клубился туман, из которого доносился тяжёлый, надсадный вздох — будто там, внизу, лежал умирающий зверь.

Верт ступил на мост первым — уверенно, по-вороньи. Кошечья — следом. Филентий — сзади, прижав уши.

На той стороне, в небольшом углублении, бил родник. Вода в нём была чёрной — не тёмной, а именно чёрной, как ночь без звёзд. В её глубине, если долго вглядываться, можно было увидеть лица. Мёртвые. Они звали, манили, обещали покой. Верт опустился на колени, достал флягу. Вода текла тяжело, неохотно, но наполнила сосуд до краёв.

Когда он поднял флягу, в руке остался след — чёрный, холодный, который не смывался. И в тот же миг Кошечья, до того стоявший молча, вдруг схватил его за плечо.

— Верт, — сказал Кошечья, и голос его дрогнул. — Стой. Не уходи. Ворон замер. Филентий поднял голову, насторожился.

— Что случилось? — спросил Верт.

Кошечья смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Его белые глаза — обычно пустые, как у куклы, — сейчас были полны такой боли, что даже Филентий попятился.

— Я вижу нити, — сказал Кошечья. — Нити судьбы. Они тянутся от каждого из вас, переплетаются, расходятся. Твоя нить, Верт она тонкая. Очень. Как паутина на морозе.

— Ты о чём? — Верт побледнел, но голос его остался ровным.

— Я о том, — Кошечья шагнул ближе, положил руку на грудь ворона, туда, где билось сердце. — Не долго тебе осталось. Я не знаю, когда. Может, завтра. Может, через месяц. Но твоя нить оборвётся. Береги себя. Ради Васильи. Ради того, что у вас будет. Не бросайся под мечи зря. Не умирай раньше времени.

Верт смотрел на него долго — минуту, другую. Потом перевёл взгляд на свою флягу с чёрной водой, на руку, испачканную слизью. И усмехнулся — криво, с горечью.

— Значит, так суждено, — сказал он. — Благодарю, что предупредил. Я не боюсь. Но Василью жалко. Она без меня пропадёт.

— Не пропадёт, — возразил Кошечья. — Она сильная и у неё будет кое кто.

— Кто? — Верт поднял бровь.

— От жены твоей вижу я две нити, так что род ваш не прервётся. И память о тебе останется.

Верт улыбнулся — впервые за весь разговор. Тепло, почти по-человечески. В его чёрных глазах блеснула слеза — или показалось.

— Хорошие новости, теперь и не страшно умирать— сказал он. — Ладно. Идёмте. Дело сделано.

Филентий молчал. Только прижался к ноге Верта, тёплым боком, и так и замер — не отходил, не мяукал. Кот ничего не сказал. Только вздохнул тяжело, по-человечьи.

Они повернули назад. Верт шёл последним, и Кошей заметил, как он прижимает левую руку к груди — там, где сердце. Но ничего не сказал. Не его это дело.

Девушки вернулись раньше. Варвара сидела у корней, прижимая к груди скляницу с живой водой. Василья — рядом, настороженная, то и дело поглядывала в сторону леса.

— Идут, — сказала она наконец. Из темноты вышли трое — Верт, Кошей и Филентий. Ворон был бледен, но флягу с мёртвой водой нёс бережно. Кошей шёл следом, сухой и прямой, как свеча. Филентий — под ногами, путая следы.

Баюн встретил их молча. Взял обе фляги, вылил в медный таз. Жидкости не смешивались — золотая и чёрная, они танцевали, переплетались, отталкивались. Кот накрыл таз покрывалом, прошептал что-то на древнем языке, и ткань засветилась.

— Смотрите, — сказал Баюн. На покрывале проступила карта. Живая. Реки текли по настоящему, горы дымились крошечными облачками дыма, а на опушках бегали крошечные звери, точные копии лесных обитателей. Золотая нить тянулась от дуба к центру, к точке, где горел маленький огонёк.

— Вот ваша дорога, — сказал Баюн. — Идите туда. В полночь на полнолуние. Скажете: «Мы пришли по велению рода, по тропе, намотанной на веретено». Ну, а дальше — сами.

— А что там ждёт нас? — спросила Варвара.

Баюн посмотрел на неё долгим взглядом, полным древней мудрости и кошачьего лукавства.

— Там то, чего вы ищете. Каждый — своё. Кошей — камень. Ты, Варвара, — судьбу. Остальные — что-то в сердце найдут или потеряют.

Верт вздрогнул. Василья взяла его за руку, крепко, не отпуская. Баюн свернул покрывало, протянул Варваре.

— Храни, — сказал он. — Тебе вести. А теперь — отдыхайте. Завтра — в путь.

Путники переглянулись. Верт взял Василью за руку. Кошей неловко коснулся плеча Варвары. Филентий подошёл к Баюну, и два кота — старый и очень старый, серебряный и рыжий — глянули друг на друга понимающе.

— Бывай, — сказал Филентий.

— И вы не пропадите, — ответил Баюн. — Жениха воспитывай, потом сам приходи или его примылай.

— Пришлю как уму разуму научу, — пообещал Филентий.

Под кронами дуба запела невидимая цепь. Путники двинулись прочь, а ветер донёс до них последние слова Учёного кота:

— Счастья вам и помните: дорога не кончается, пока хоть один кот знает, куда идти.

Лукоморье осталось позади. Впереди ждала карта, нарисованная на живом покрывале, и новые испытания. Варвара шла впереди, сжимая в руке клубок, подаренный Ядвигагой. Он светился изнутри, показывая путь. Кошей шёл рядом, на расстоянии вытянутой руки. Молчали оба. Но тишина была не тяжёлой, а той, какой она бывает перед бурей — когда всё замирает в ожидании, и даже ветер не смеет дышать. Впереди, в глубине леса, уже разгорался огонь. Или не огонь — может судьба. Варвара чувствовала это спиной, но даже сквозь страх, делала новый шаг навстречу неизведанному.

Глава 5

Карта, сотканная Баюном из живой и мёртвой воды, лежала на траве серебристым покрывалом. Варвара развернула её на привале, когда луна уже поднялась высоко, а костёр догорел почти до углей. Филентий спал, свернувшись клубком у неё на коленях, но стоило полотну засветиться — открыл один глаз, потом другой.

— Чую, — сказал кот. — Сейчас начнётся.

Варвара коснулась карты ладонью. Ткань под пальцами стала холодной, потом горячей, потом вовсе исчезла — а вместо неё разверзлась земля. Не страшно, не с грохотом, а тихо, как вода расступается перед камнем. Под ногами вместо травы оказался песок, а над головой вместо звёзд — чёрное небо без единой искры.

— Навь, — сказал Кощей. — Я здесь бывал. Здесь холодно и пахнет забвением.

— Ага, спасибо, развеселил, — буркнул Филентий, ёжась.

Перед ними текла река Смородина. Чёрная, с багровыми прожилками, густая, как кисель. Над ней стлался туман, а в тумане мерцали огоньки — зовущие, манящие.

Мост через реку тянулся старый, каменный, горбатый, заросший седым мхом. А на середине его сидел кто-то. Сначала не разглядели — туман мешал, но чем ближе подходили, тем яснее видели.

Стражник то был навий.

Каждый видел его по-своему.

Для Верта он обернулся старым вороном с вырванными перьями и мудрым, усталым единственным глазом. Для Василии — огромной змеей с потускневшей чешуёй, которая грелась на солнце, которого здесь не было никогда, блажь лишь. Филентий увидел кота — серебряного, как луна, с глазами, которые помнили ещё допотопных мышей. Кощей, стоявший чуть позади, видел скелета. Белого, голого, с черепом, который своими впадинами угольными вместо глаз смотрел прямо в душу.

Варвара же ахнула заворуженно.

Перед ней сидел Ягуш. Прапрадед. Волк, который ушёл за Агидель. Серебряные волосы, лазурные глаза, та же усмешка — будто знает что-то, а чего не скажет.

— Дедушка, — выдохнула она.

— Тише, — ответил стражник голосом, похожим на шорох сухих листьев. — Я не тот, кем кажусь. Я — память древних времён. Выбери облик — и говори со мной. Но суть одна, я не тот кем кажусь. Слушайте, живые.

— Мы не просто живые, — сказала Варвара, справившись с голосом. — Миссия у нас тут важная.

— Знаю, девица, — стражник кивнул клюкой. — Вы ищете Алатырь. Камень, без которого Ледяная Королева не сможет заморозить мир. Но просто так я вас не пущу.

— А как пустишь? — спросил Филентий.

— Проводите души. Тех, кто пришёл в Навь не по времени. Война у вас там, люди мрут раньше срока, души прут, как лосось на нерест. Навь не справляется. Алатырь забит, не пропускает. Очистите его — и камень ваш.

— А если не очистим? — спросил Верт.

— Тогда останетесь здесь. Навсегда.

Стражник поднялся, и в его облике промелькнули все лица сразу — и Ягуш, и ворон, и змея, и кот, и скелет. Он махнул рукой, и из тумана вынырнула ладья. Берестяная, с узором из папоротника, старая, но крепкая. На носу — руна «путь», на корме — «возврат».

— Плывите к пещере, — сказал стражник. — По дороге собирайте тех, кто просится. Каждый, кого проводите, освободит часть Алатыря. Как камень очистится — берите его и ступайте. Только воды не касайтесь и назад не оглядывайтесь.

Он исчез. Мост остался, но теперь он был просто каменным, без наваждения. Ладья ждала, покачиваясь на волнах, живая словно.

— Ну, — сказала Варвара. — Поплыли.

Река Смородина текла медленно, нехотя. Вода под днищем была чёрной, но не мутной — сквозь неё можно было разглядеть глубину. Там, на самом дне, шевелились тени. Не рыбы, не коряги — души.

Первая появилась, когда отчалили на сотню саженой. Женщина с длинной косой, в разорванном платье, стояла на берегу и тянула руки.

— Проведите, — прошептала она. — Домой.

Варвара протянула руку, помогла перешагнуть в ладью. Душа осела на дне, стала прозрачной, потом растаяла. Ладья дрогнула — будто вздохнула, да и поплыла легче.

— Считай, одну проводили, — сказал Филентий.

Вторая появилась из тумана — старик в лаптях, с клюкой. Его провёл Верт. Третья — мальчонка лет семи, который никак не хотел уходить. Василия взяла его за руку, заговорила тихо, по-змеиному, и мальчик растаял.

Четвёртая, пятая, десятая. Варвара сбилась со счёта. Ладья наполнялась тенями, они сидели на бортах, на дне, даже на плечах. Но стоило коснуться лишь отсвета далекого Алатыря — а он уже маячил впереди, в изумрудной пещере, — как души уходили.

— Тяжело, — сказал Филентий, когда очередной воин в разбитой кольчуге шагнул в свет и исчез.

— Им тяжелее, — ответила Варвара. — Мы-то живы.

Филентий вздохнул и полез помогать старухе, которая никак не могла перебраться через борт.

Наконец последняя душа растаяла. Пещера распахнулась перед ними — изумрудная, сияющая. Алатырь лежал в центре на каменном возвышении, чистый, звонкий, готовый.

— Бери, Варвара, лишь тебе по силам нести его, — сказал Кощей.

Варвара шагнула к камню.

И потолок рухнул.

Из трещин в стенах, из алой дымки, которая осталась после ухода душ, полезли они — приспешники Ледяной Королевы. Белые, как выбеленная кость, с глазами без зрачков. От них веяло холодом, который не согреет ни один костёр. Их вёл Ледяной Воевода — высокий, с короной из наростов, похожей на сплетённые пальцы.

— Камень, — прошелестели они. — Отдай нам.

— Не дождётесь, — ответил Филентий, и шерсть его встала дыбом.

Он начал расти — лапы вытянулись, корпус раздался, рыжая шерсть потемнела, проступили чёрные полосы. Огромный тигр с золотыми глазами встал между Варварой и врагами.

— Поиграем? — рыкнул он и бросился в бой.

Верт взмыл под своды, превратился в Ветер. Клювом рвал, когтями полосовал. Василия стала змеей — белой, перламутровой, с красными глазами. Она жалила быстро, смертельно, уползала в тень и появлялась с другой стороны.

Кощей дрался молча. Его рука стала лезвием из такого же льда, что и враги. Ирония судьбы. Он рубил, колот, не щадя никого.

Варвара стояла у камня. Внутри, под рёбрами, медведица ворочалась — просилась наружу. Но Варвара не звала её. Не время было или животное внутри нее не хотело бойни. Она держала Алатырь в руке, золотые нити втягивались в ладонь.

— Варвара! — крикнул Филентий. — Уходи!

— Не уйду без вас!

Но врагов становилось больше. Тигр оступился — его подбили под лапу, он рухнул, обернулся котом. Верта отбросило к стене, он сполз, оставляя на камне чёрные перья. Василию Воевода сжал в кулаке и швырнул в сталагмит.

— Всё, — сказал Воевода. — Ты одна. Отдай камень.

— Не отдам, — ответила Варвара.

— Тогда умри.

Он ударил. Варвара не успела — ни увернуться, ни обратиться. Кулак с ледяным звоном пришёлся в грудь. Она отлетела к реке, упала в Смородину. Вода сомкнулась над головой.

Чёрная жижа тянула вниз. Каждая капля весила тонну, каждая прожилка забирала тепло. Варвара открыла глаза — и увидела лица. Много лиц. Те, кого она не проводила. Они стояли вокруг, смотрели, но не помогали.

— Оставайся, — шептали они. — Здесь нет боли, нет страха.

— Не могу, — прошептала Варвара.

И вдруг кто-то схватил её за руку. Тёплый, живой.

Агидель. Прабабка.

— Эй, кровиночка, не время.

Рядом возник Ягуш, за ним дед Архип, бабка Лора. Все знакомые, родные, давно ушедшие.

— Выбирай, — сказала Агидель. — Камень или чувства твои.

— Что — чувства? — не поняла Варвара.

— А то, что к Кошечью. Любовь. Она у тебя самая дорогая. Отдашь её — спасёшь мир, но забудешь об них навсегда.

Варвара посмотрела на них. На Агидель, на Ягуша, на деда Архипа с его вечным топором, на бабушку Лору с её пирогами. И поняла: выхода нет.

— Забирайте, — сказала она.

И отдала.

Не было больно. Просто — стало вдруг пусто. Как в избе, когда выдуло всё тепло. Как в сердце, когда из него вырезали любовь.

— Живи, — сказала Агидель и исчезла.

Река вытолкнула Варвару на берег.

Она вынырнула сама. Мокрая, дрожащая, но живая. Встала, пошатываясь.

Кошей подбежал, протянул руку.

— Варвара! Ты...

— Не трогай, — отшатнулась она. — Отойди.

Он замер. В её глазах не было ничего — ни боли, ни любви. Лёд и неприязнь.

— Что с тобой?

— Всё хорошо. Я должна вытащить вас отсюда.

Она не смотрела на него. Говорила, как с чужим. Кошей отступил. Там, где у него не было сердца, заняла душа зверем раненным.

— Она меня забыла, — сказал он Филентию.

— Знаю, — вздохнул кот. — Духи взяли за жизнь её.

— Я вернуть то смогу их, чувства...

— Попробуй.

Воевода уже тянул руку к Алатырю. Варвара шагнула вперёд, заслоняя камень.

— Проснись, — прошептала она медведице.

И та проснулась. Лапы стали шире, покрылись шерстью, выпустили когти. Глаза зажглись жёлтым.

— Прочь! — рявкнула Варвара.

И ударила по стене.

Камень разлетелся. За ним открылся портал — изба Ядвиги, свет в окнах, дымок из трубы.

— Туда! — крикнула она. — Все!

Верт схватил Василью, метнулся. Филентий кубарем покатился следом. Кощей задержался на миг.

— Иди, — сказала Варвара холодно. — Я следом.

Он шагнул. Она — за ним.

Портал захлопнулся.

Глава 6

Портал захлопнулся за спиной с тихим всхлипом, будто кто-то выдохнул — и замер. Изба встретила их теплом, запахом пирогов и хвои. Ядвига стояла на пороге, прижав руки к груди, и смотрела на дочь.

— Жива, — выдохнула она. — Жива... Свет мой ясный.

— Жива, маменька, — ответила Варвара и отстранилась от объятий. — Камень у меня.

Она подняла руку — Алатырь лежал на ладони, тёплый, пульсирующий, как сердце пойманной птицы. Ядвига шагнула ближе, хотела взять, но Варвара сжала пальцы.

— Я сама. Не трожь.

— Дочка...

— Всё хорошо. Я пойду, отдохну.

Варвара прошла в горницу, не взглянув на Кошею. Он остался стоять у двери, белый, как береста, только глаза горели такой безысходностью которую не спрятать. Филентий сидел на лавке, зализывал разбитую лапу. Верт и Василья молча прижимались друг к другу у печи.

Ядвига смотрела вслед дочери долгим, тяжёлым взглядом. Потом перевела его на Кошею.

— Что с ней? — спросила она тихо, но так, что в голосе звенел мороз.

— Духи забрали, — ответил Кошей. — Самое дорогое из души её.

— Что — самое дорогое?

— Меня. Её память обо мне, любовь не высказанную.

Ядвига замерла. Рука её, лежавшая на косяке, дрогнула.

— Значит, она тебя забыла?

— Забыла. Смотрит — и не видит. Как на чужого.

— А ты?

— Я осознал что люблю, — сказал Кошей. — И не оставлю Варвару.

Ядвига долго смотрела на него, потом кивнула, отвернувшись.

— Иди в избу, — сказала она. — Отогрейся. Сейчас ужин будет.

— Я не хочу есть, ложка в горло не лезет.

— Значит, просто посиди. Ей тоже надо будет сесть рядом.

Кошей шагнул через порог. Сел на лавку у окна, где обычно сживал дед Архип. Никто не прогнал. Филентий слез с печи, подковылял, устроился у него на коленях — тёплый, тяжёлый, живой.

— Ты как, рыжий? — спросил Кошей.

— Жить буду, — буркнул кот. — А вот ты — не знаю. Тяжело тебе придётся.

— К боли я привыкший.

— Врёшь. К такому не привыкают.

В горнице скрипнула половица — Варвара вышла, села за стол, подальше от Кошею. Взяла спицы, начала вязать. Быстро, ровно, не глядя. Руки двигались сами, будто помнили то, чего сердце уже забыло.

Ядвига поставила на стол горшок со щами, миску с пирогами, жбан с медовухой. Ужинали молча. Филентий слизывал с блюда сметану, Верт кормил Василью с ложки — она разбила губу и не могла есть сама. Кошей не притронулся ни к чему, только смотрел на Варвару. Та не поднимала глаз.

Когда стемнело, Ядвига зажгла лучину. Тени заплясали по стенам, и в избе стало уютно, почти по-домашнему. Но воздух всё равно давил — невысказанным, недосказанным.

— Варенька, — позвала Ядвига. — Ступай в баню. Я там дрова еловые положила, веники заварила.

— Спасибо, мама, — ответила Варвара, отложила вязание и вышла, не глядя на Кошею.

Дверь за ней затворилась.

Ядвига подождала, пока шаги затихнут, потом поднялась, взяла кочергу, подкинула дров в печь. Повернулась к Кощей.

— Выдь на крыльцо. Поговорить надо.

Он вышел. Она — следом, накинув шаль на плечи. Снег уже перестал, только крупные звёзды висели над лесом, холодные, как сосульки.

— Рассказывай, — сказала Ядвига. — Как было. Не утаивай.

Кощей рассказал. Про Алатырь, про битву, про реку, про душ, которые они проводили. Про удар Воеводы. Про то, как Варвара упала в Смородину и как вынырнула — чужой.

— Агидель приходила, видел я сквозь воду — сказал он. — И Ягуш, и дед Архип с бабкой Лорой. Сказали — отдай самое дорогое.

— И она отдала?

— Отдала, жизнь оно лучше смерти.

Ядвига молчала. Снег скрипел под ногами, где-то в лесу ухнула сова.

— Ты любишь её? — спросила она наконец.

— Люблю, — сказал Кощей. — Я не знал, как это — любить. Думал, проклятие не пустит, а оно исчезло. И теперь я не знаю, как жить дальше.

— Живи, — сказала Ядвига. — Рядом. Не лезь, не трогай, но будь под боком. Она вспомнит, скоро.

— А если нет?

— Тогда ты подаришь ей новую память. Не хуже старой.

Кощей посмотрел на звёзды. Они не мигали. В Нави звёзды были чужими, а здесь — свои, родные.

— Ядвига, — сказал он. — А ты не боишься меня? Я же Кощей. Бессмертный. Мёртвый почти.

— Ты тот, кого я спасла однажды — ответила она. — Да и вижу, как ты на неё смотришь. Мёртвые так не смотрят, нет в них столько желания жить.

Она повернулась, ушла в избу. Кощей остался на крыльце. Снег падал на плечи, но он не чувствовал холода — он сам был холодом.

В избе зажгли лампу. В окне мелькнула тень Варвары — она вернулась из бани, мокрая, румяная, с распущенными чёрными волосами. Не взглянула в окно. Прошла в горницу, легла на лавку, отвернулась к стене.

Кощей вошёл, когда все уже спали. Филентий дремал на печи, Верт и Василья — в углу, на сеновале. Ядвига сидела в кресле, пряла кудель, но глаза слипались.

— Ложись, — сказал Кощей. — Я посижу.

— Ты не спишь?

— Я не сплю никогда.

Ядвига покачала головой, ушла в свою каморку. Кощей остался один. Сел на лавку у стола, положил руки на столешницу — старую, дубовую, сколоченную ещё дедом Архипом. Под пальцами ощутил невольно шершавое тепло. Он вспомнил, как впервые переступил порог этой избы — после свадьбы их. Как смотрел на мед, да выпивку пригубил впервые. Как впервые увидел Варвару — маленькую, черноволосую, с золотыми глазами, которая не боялась его белых глаз.

— Ты спишь? — спросил он тихо.

— Нет, — ответила из горницы Варвара. — Не спится.

— Мне тоже.

— Ты же не спишь никогда.

— Порой и бессмертным спать надобно.

Долгое молчание. Только дрова в печи потрескивали, да половицы изредка вздыхали.

— Варвара, — сказал Кощей. — Ты помнишь, как мы летели на облаке?

— Я спала, — ответила она. — Ничего не помню.

— А как ты клубок кидала?

— Это Ядвига клубок. Он сам дорогу знает.

— А как ты ахнула, когда море увидела?

— Я не ахаю, — сказала Варвара. — И вообще, откуда ты знаешь? Ты тогда на облаке был разве?

— Был.

— Не помню.

— Спи краса, утро вечера мудренее.

Она замолчала. Кощей сидел, слушал, как дышит изба. В углу заскреблась мышь — Филентий даже ухом не повёл, устал.

— Кощей, — вдруг позвала Варвара.

— Что?

— А почему ты на меня так смотришь?

— Как?

— Как будто... не знаю. Как будто я что-то должна помнить о тебе.

— Может, и должна.

— Не помню и не хочу вспоминать. Больно от этого и страшно. Спать буду...

Она повернулась на другой бок, затихла. Кощей так и просидел до утра, глядел на огонь в печи и думал.

Утром Варвара проснулась первой. Встала, потянулась, зевнула. Волосы растрёпанные, глаза золотые — но не тёплые, а холодные, как янтарь. Прошла мимо Кощея, не глядя. Поставила чугунок на шесток, принялась месить тесто.

Ядвига вышла из каморки, глянула на дочь, перевела взгляд на Кощея. Тот сидел в той же позе, что и ночью.

— Не спал? — спросила она шёпотом.

— Не спалось, — ответил он так же тихо.

Верт и Василья спустились с сеновала, отряхивая сено. Филентий слез с печи, зевнул, показал клыки.

— Чего на завтрак? — спросил он.

— Кашу будешь, — ответила Ядвига. — И не ворчи, старый.

— Я не ворчу, а уточняю.

Уселись за стол. Варвара разлила кашу по мискам, поставила на стол. Села напротив Кощея — впервые за всё время. Не взглянула, но и не отвернулась.

— Камень цел? — спросил Верт.

— Цел, — ответила Варвара, положив ладонь на Алатырь, который лежал тут же, на скатерти. — Его расколоть надо. Иначе Королева доберётся.

— Как? — спросила Василья.

— Не знаю. Но мать знает.

Ядвига кивнула, поставила кружку на стол.

— Знаю. Сегодня в полночь пойдём к старому дубу. Там и расколом. Но нужна будет кровь. Твоя, Варвара.

— Моя?

— Рода ведьмовского. Ты — последняя, кто может. Я — уже нет, силы не те.

Варвара молча кивнула. Кощей хотел сказать что-то, но не стал.

После завтрака разбрелись кто куда. Филентий улёгся на печи, Верт с Васильей ушли в лес — проверить, не крадутся ли приспешники. Ядвига возилась у печи, перебирала травы.

Кошей вышел на крыльцо. Варвара стояла у колодца, смотрела в воду. Чёрную, холодную — как Смородина. Он подошёл, встал рядом. Не близко, не далеко.

— Ты боишься? — спросил он.

— Чего?

— Крови. Ритуала.

— Нет. Я ничего не боюсь.

— Это неправда.

Варвара обернулась. Посмотрела ему в глаза — белые, как лунный свет.

— Откуда ты знаешь?

— Я тебя знаю.

— Ты меня не знаешь. Мы встретились недавно. Ты просто попутчик.

— А ты помнишь, как мы познакомились?

— Нет. Да и не хочу помнить.

Она отвернулась, взяла ведро, пошла в избу. Кошей остался у колодца. Вода вдруг замерла, не плескалась боле. В ней отражалось не небо — лицо Ягуша.

— Терпи, — сказала отражение. — Она вспомнит.

— Когда?

— Когда камень расколется. Либо когда ты умрёшь. Но ты бессмертен.

— Знаю.

Отражение исчезло. Кошей постоял ещё немного, потом пошёл в избу. Там пахло пирогами, и Варвара сидела за столом, вязала. На этот раз не спицами — крючком. Получался узор, похожий на северное сияние.

— Красиво, — сказал Кошей.

— Спасибо, — ответила Варвара, не поднимая глаз.

Он сел на лавку, взял Алатырь — камень был холодным, мёртвым, после того как души ушли. Но внутри, в самой глубине, ещё теплился огонёк.

— Варвара, — сказал он. — Если завтра я исчезну — что ты вспомнишь?

— Ничего, — ответила она. — Ты чужой, мне.

— А если я останусь?

— Тогда мы расколём камень и разойдёмся.

Кошей положил Алатырь на место. Встал через силу.

— Не разойдёмся, зря так думаешь, — сказал он и вышел.

Варвара отложила вязание. Посмотрела на дверь, где он стоял. В груди ёкнуло — не больно, а так, отголоском. Она потёрла ладонью, удивилась.

— Что это? — спросила она у кота.

— Ничего, — ответил Филентий, не открывая глаз. — Снится тебе.

— Я ж не сплю даже.

— Вот и зря, сон может потаенное открыть.

В избе запахло пирогами. Ядвига достала противень, поставила на стол. Варвара взяла один, надкусила — и не почувствовала вкуса. Только пустоту.

— Мам, — сказала она. — А ты любишь папу?

— Люблю, — ответила Ядвига.

— А если бы ты его забыла?

— Я бы помнила, что забыла и искала бы.

— А если не искать?

— Тогда бы я не была самой собой. Надо идти за своей судьбой без страха и сомнений.

Варвара доела пирог, не чувствуя вкуса. Потом посмотрела в окно. Кошей сидел на колоде, смотрел на небо. Одинокий, белый, чужой.

— Мам, — сказала она. — А кто он такой?

— Тот, кто ты выбрала себе в мужа.
— Не помню, совсем.
— Вспомнишь.

Варвара отвернулась. Взяла спицы, снова начала вязать. И долго сидела, слушая, как стучат спицы — ровно, монотонно, как дождь по крыше.

А за окном смеркалось. И Кошей всё сидел на колоде, ждал. Чего — он и сам не знал. Но надеялся.

— Варвара, — позвал он тихо.
— Что?
— Ты выйдешь на воздух?

Она помолчала. Потом отложила вязание, встала, накинула шаль. Вышла. Села рядом. Не близко, не далеко.

— Холодно, — сказала.
— Я согрею.
— Ты ж холодный.
— А ты — нет. Дай руку.

Она не дала. Но и не ушла.

Сидели молча. Снег падал медленно, крупный, пушистый. Звёзды горели над лесом.

— Кошей, — сказала Варвара. — А почему ты такой белый и холодный?

— Проклятие.
— А почему ты живой?
— А я и не живой, и не мертвый.
— А какой тогда ты?
— Бесмертный. Колдун, которому дали второй шанс.
— На что?
— На любовь.

Варвара помолчала. Потом встала, отряхнула шаль.

— Пойду спать. Завтра рано вставать.
— Иди, — сказал Кошей.

Она ушла, а он остался. Снег падал на плечи, таял. Потому что даже мёртвый — он был теплее, чем казалось.

В избе погас свет. Луна поднялась высокая, круглая, как Алатырь, только серебряная. Где-то в лесу завыл волк. Кошей прислушался — показалось, или там, в вое, слышалось имя?

— Варвара...
Он покачал головой, усмехнулся.
— Иду, — сказал тихо.

И пошёл в избу, спать. Хотя никогда не спал. Но сегодня — захотелось.

Захотелось увидеть сон, где она смотрит не сквозь, а в глаза и улыбается как прежде.

Там, где любовь жива, даже если её отрезали.

Особенно если нет её уже.

В снах она возвращается сама собой, хоть и всего на одну ночь.

Глава 7

Кошечью снилась Варвара. Снилась впервые за всю его бесконечную жизнь — потому что раньше он не спал. Не умел. Не хотел. Но сейчас, в избе Ядвиги, на тёплой лавке, под мерный стук спиц и запах пирогов, сон пришёл сам. Или не сон — явь, только на другую сторону. Ему снилась осень. Лес стоял золотой, как янтарь, и Варвара шла по тропинке босиком, трава щипала пятки. На ней было белое платье — не то, что она носила, а другое, длинное, с вышивкой по подолу. Волосы распущены, в них путались листья клёна. Она улыбалась ему. Тепло, как тогда, когда ещё помнила. — Пойдём, — сказала она, протягивая руку. — Домой. — А где дом? — спросил Кошечей. — Там, где мы оба. Он шагнул к ней, но тропинка стала уходить из-под ног, растягиваться, превращаться в реку смородину: чёрную, мёртвую. Варвара стояла на другом берегу, лицо её бледнело, волосы серели, кожа покрывалась морщинами. Она старела прямо на глазах. Рука, которую он только что держал, стала сухой, узловатой, как ветка. Глаза — ввалились, губы — потрескались. — Кошечей, — сказала она голосом старухи. — Ты почему меня не держишь? — Я держу! — крикнул он. — Я здесь! Но рука его проходила сквозь её, как сквозь туман. Она таяла. Исчезала. Оставалась только тень на чёрной воде. — Ты не можешь меня удержать, — прошелестела тень. — Ты бессмертный, а я — нет. Ты будешь жить вечно, а я умру. Тебе суждено остаться одному. Как было до меня и будет впредь. — Нет! — закричал Кошечей, но крик утонул в реке. Варвара исчезла. Остался только берег, пустой, холодный, и снег, который падал не с неба — изнутри, из самой души, мелкими хлопьями. Кошечей проснулся. В избе было темно, только в печи тлели угли. Рядом, на своей лавке, спала Варвара — живая, тёплая, с чёрными волосами, разметавшимися по подушке. Не старуха. Не тень. Просто она. Молодая, смертная, невечная. Кошечей смотрел на неё и чувствовал, как там, где у него не было сердца, ноет. Ноет так, что хочется выть.

Кошечей долго сидел на крыльце после того, как проснулся еще в темноте ночи. Снег перестал валить, а ветер всё ещё гулял по верхушкам сосен, сбивая с них шапки. Звёзды горели ярко, но не грели — как и он сам. Он смотрел на них и думал. Думал о том, что в Нави звёзды были чужими, а здесь — своими. Но и те, и другие не могли дать ответа.

— Замёрзнешь, — раздался голос из темноты. Филентий вышел из сеней, потянулся, зевнул. Шерсть его взъерошилась, усы торчали в разные стороны. — Хотя ты не мёрзнешь. — Зачем ты здесь сидишь?

— Думаю, — ответил Кошечей.

— О чём?

— О том, что, может, так и лучше.

Филентий забрался на перила, уселся, свесил хвост.

— Что — лучше?

— Что она забыла. Меня. Наши чувства. Всё.

— Ты это серьёзно? — кот прищурился. — Или от усталости бредишь?

— Я не устаю. Я — серьёзно. Посмотри, — Кошечей кивнул в сторону окна, где горела лампа. — Она живая. Смертная. Проживёт свои семьдесят, восемьдесят лет, состарится, а потом... а потом я останусь один. С памятью о ней. И буду помнить каждую морщинку, каждый седой волос, каждую улыбку, а она сгинет со света белого. Так может, так и надо? Чтобы она не знала, что её ждёт впереди — вечность без меня, а я — без неё сдюжу.

Филентий молчал. Хвост его перестал качаться.

— Ты глупый, — сказал он наконец. — Очень глупый, даже для бессмертного.

— Почему?

— А потому что любовь — она не про время. Она про сейчас. Ты сейчас её любишь? Любишь. Она тебя любила до того, как отдала память? Любила. Значит, и будет любить. Души

не забывают. Они прячут, но не отдают всё до последней капли. И ты... ты не смей решать за неё, что лучше. Она сама выберет.

— А если не сумеет?

— Тогда ты проживёшь вечность, зная, что пытался. И это лучше, чем вечность с мыслью «а вдруг бы получилось?».

Кошей усмехнулся — криво, по-вороньи, хотя он был не вороном.

— Откуда в тебе столько мудрости, рыжий?

— Из дубового стола, — ответил Филентий. — Дед Архип поделился. Он тоже любил и терял. Еще и не сдавался.

Они помолчали. В избе скрипнула половица — кто-то ходил. Может, Варвара, может, Ядвига. Кошей не обернулся.

— Иди спать, — сказал он коту. — Завтра камень расколем. Силы понадобятся.

— А ты?

— Посижу. Подумаю.

Филентий хотел возразить, но зевнул, спрыгнул с перил и потрусил в избу. У порога обернулся:

— Кошей.

— Что?

— Ты хороший. Для бессмертного — очень хороший. Не забывай об этом.

И скрылся за дверью.

Кошей остался один. Взошла луна — огромная, жёлтая, похожая на медвежий глаз. Он смотрел на неё, а видел Варвару. Её чёрные волосы, разметавшиеся по подушке. Её золотые глаза, которые раньше смотрели на него с теплом, а теперь — сквозь. Её руки, которые вязали, не глядя, будто боялись остановиться.

— Может, так и лучше, — повторил он в пустоту. — Может, так и лучше.

Но в голосе мужчины не было уверенности.

В избе Варвара не спала. Она лежала на лавке, отвернувшись к стене, и слушала, как дышит дом. Ядвига в своей каморке тихо перебирала травы — шуршали сухие стебли, позвякивали стеклянные банки. Верт и Василья устроились на сеновале чердака, иногда оттуда доносился приглушённый шёпот. Филентий забрался на печь, завозился, устроился поудобнее, затаился.

А Варвара не могла уснуть совсем. В голове было пусто. Не то чтобы мыслей не было — они были, но чужие, холодные, как та река. Она помнила, что нужно расколоть Алатырь, что Ледяная Королева ищет камень, что мать сказала про кровь. Помнила, как билась в пещере, как падала в реку, как вынырнула. Но образы — они были плоскими, без глубины, как картинки вырезанные на дощечках деда. В груди ее зияла — пустота.

И только иногда, когда она краем глаза видела его — белого, высокого, с белыми глазами, — что-то ёкало. Не болью, не радостью. Отголоском крох памяти.

— Дура ты, Варвара, — прошептала она себе под нос. — Чего ёкает? Человек как человек. Попутчик. Чужой.

Но пустота не соглашалась.

Она села на лавке, свесила ноги. В избе было темно — лампа погасла, только в печи тлели угли. Варвара встала, подошла к окну. Кошей сидел на крыльце, не двигался. Луна светила ему в спину, и тень его была длинной, как мост.

— Что ты там делаешь? — спросила она, хотя он не мог слышать.

Он не обернулся. Варвара постояла, потом отошла, легла. Сон не шёл. Она закрыла глаза и почувствовала — будто кто-то гладит её по голове. Не рукой — мыслью. Тёплой, печальной. И от этой мысли пустота в груди стала чуть меньше. Но ненадолго.

— Спи, — сказал кто-то внутри. — Завтра будет трудно.

— Кто ты? — спросила Варвара.

— Твоя медведица.

— Ты умеешь говорить?

— Когда надо — умею. Спи.

И Варвара заснула. Впервые за много дней без сновидений.

Утро пришло серое, снежное. Ядвига встала затемно, затопила печь, поставила тесто. Варвара проснулась от запаха пирогов — сладкого, тягучего, детского. Она села на лавке, потянулась. В окно увидела Кошечку — он всё ещё сидел на крыльце, только теперь на нём была шапка, которую утром вынесла ему Ядвига.

— Замёрз? — спросила она, когда вышла.

— Нет, — ответил он. — Но мать твоя сказала, что если я не надену, она мне голову оторвёт. А я бессмертный, но голова мне ещё пригодится.

Варвара усмехнулась — нечаянно, краешком губ. Кошечка заметил, но ничего не сказал.

— Идём завтракать, — позвала она. — Сегодня день тяжёлый.

Он встал, отряхнулся, пошёл за ней. В избе уже собрались все. Филентий сидел на столе, ловил лапой муху — хоть и зима, а муха нашлась. Верт и Василья перешёптывались у печи. Ядвига разливала кашу по мискам.

— Садитесь, — сказала она. — Поешьте. Кровь — дело серьёзное.

— Мам, — спросила Варвара, — а сколько надо?

— Не много. С горсть. Но важно, чтобы камень принял, а он капризный.

— Камень? Капризный? — Филентий прекратил ловить муху. — Он что, живой?

— Алатырь — не просто камень. Он — сердце Нави, пуп земли. В нём души умерших и нерождённых. Он всё помнит.

— И сейчас он помнит, что мы его спасли, — сказал Кошечка. — Должен отозваться.

— Должен, — согласилась Ядвига. — Но лучше перебдеть.

После завтрака Ядвига велела всем готовиться. Верт проверил стрелы, Василья — обереги. Филентий умылся, причёсал усы, сказал, что «перед смертью не надышишься, но выглядеть надо прилично».

Кошечка стоял у окна, смотрел на лес. Варвара подошла, встала рядом.

— Ты боишься? — спросила она.

— Нет. Я ничего не боюсь. Я же Бессмертный.

— А чего боится тогда?

— Потерять того, кто делает меня живым, — ответил Кошечка, не глядя на неё.

Варвара хотела спросить — кого, но не спросила. В груди опять ёкнуло. Она отошла в смятении.

В полдень вышли к дубу. Дерево стояло на опушке, старое, раскидистое, помнившее ещё деда Архипа. Под ним — валун, плоский, как стол. Ядвига постелила на него белую скатерть, поставила камень Алатырь.

— Становитесь в круг, — сказала она. — Варвара — сюда.

Варвара встала напротив камня. Ядвига достала нож — не кухонный, а ритуальный, с костяной рукояткой.

— Руку, — сказала она.

Варвара протянула правую ладонь. Ядвига разрежала — неглубоко, но больно. Кровь потекла алая, густая, упала на Алатырь. Камень дрогнул. В нём что-то зажглось — золотыми нитями, которые вились, переплетались, втягивали кровь.

— Ещё, — сказала Ядвига.

Варвара сжала кулак, кровь закапала чаще. Алатырь засветился — сначала тускло, потом ярче, потом ослепительно. В нём, в глубине, проступили лица — те, кого они провели через

реку. Старуха с клюкой, мальчонка, воин в разбитой кольчуге. Они кивали, улыбались, исчезали.

— Хватит, — сказал Кощей. — Он берёт.

Ядвига перевязала руку Варваре чистым полотном. Камень светился ровно, тепло, а потом — трещина проступила. Тонкая, как волосок и ещё одна, ещё. Алатырь разваливался на куски, тихо, без грохота. Просто рассыпался в прах, который подхватил ветер и унёс в лес.

— Всё, — сказала Ядвига. — Нет больше Алатыря. Королева не получит вторую часть.

— Не получит, — повторила Варвара.

Она стояла бледная, шаталась. Кощей подхватил её под локоть — не думая, рефлекторно. Она отдёргнулась, но не сильно.

— Спасибо, — сказала она. — Я сама.

— Я знаю.

Он отошёл. Варвара посмотрела ему вслед — долго, странно. В груди ёкнуло в который раз. Она потёрла ладонью, удивилась.

— Мам, — сказала она. — А почему у меня сердце болит?

— Есть тайна внутри, — ответила Ядвига. — Просто ты её не слышишь. Зато она слышит тебя и наружу рвётся.

— Не понимаю.

— Поймёшь. Всему своё время.

Они вернулись в избу. Варвара легла на лавку, закрыла глаза. Кощей сел у окна. Филентий взобрался на печь.

— Ну что, — сказал кот. — Алатыря нет. Королева без камня. Что дальше?

— Надо уничтожить вторую часть, — ответил Кощей. — Её же заковать в замке ее на севере.

— Снова в путь значит?

— Буду рад компании вашей.

Варвара слушала, не открывая глаз. Она чувствовала его взгляд — белый, холодный, но в нём было тепло. Или не в мужчине, а отголоске в груди. Который не хотел исчезать бесследно.

— Кощей, — позвала она тихо.

— Что?

— Ты меня с собой вновь позовёшь?

— Куда ж я денусь, — ответил он.

И в голосе его была такая тоска, такая надежда, что у Варвары зацепало в носу. Она не знала почему и не хотела знать.

Но пустота в груди стала чуть меньше. Совсем чуть-чуть. На волосок. На вздох.

И это было начало.

Глава 8

Алатырь рассыпался в прах под старым дубом. Ветер разнёс его крупички по лесу, будто семена, которым не суждено прорасти. Ядвига долго стояла, глядя на пустой валун, потом перекрестилась — по-старинному, шепоткой. Володар положил руку ей на плечо, промолчал. Филентий, сидевший на пне, вытер лапой морду — то ли от снега, то ли оттого что в глазах защищало.

Кошей знал — Лорейна не оставит попыток. У неё был осколок Алатыря. Тот самый, что она хранила в ледяных чертогах с незапамятных времён, когда Алатырь раскололся впервые, ещё до того, как Кошей стал Кошечем. Крошечный, с лесной орех, но живой — в нём всё ещё теплился древний свет. И если она найдёт способ его использовать, неизвестно что будет ждать мир.

Утром, когда солнце только-только позолотило верхушки сосен, Кошей собрал совет. В избе пахло пирогами, сушёной мятой и той особенной тишиной, какая бывает перед важным пересудами.

Ядвига сидела у печи, перебирала в уме древние заговоры — те, что перешли к ней от Лоры, а до того от Агидель. Володар стоял у окна, прислонившись плечом к косяку, — старый, седой, но глаза ещё горели тем же звериным огнём, что у его дочери. Верт примостился на лавке — хмурый, чёрный, с руками, которые помнили не одну битву. Василья сидела рядом с ним, бледная, но с той странной, светлой улыбкой, которая появилась у неё в последние дни мира и покоя.

Кошей подождал, пока стихнет треск дров, и заговорил:

— Лорейна не уймётся, это я вам говорю. Осколок у неё. Если она сумеет его оживить — миру конец. Она добрый люд не пожалеет, от ее магии ни трава не взойдёт, ни птица не запоёт.

— А ты что ж, Кошей, на Север собрался? — Володар усмехнулся, но в глазах его теплилась серьёзность. — Аль не боишься, что там тебя самого в сосульку превратят?

— Боюсь, — ответил Кошей. — Только боязнь — не повод сидеть сложа руки. Коли уж я бессмертный, то хоть на то и сгожусь, чтобы мир от холода уберечь.

— Есть способ, — сказала Ядвига, и голос её прозвучал глухо, как из колодца. — Да только путь тот тернист. Круг нужно начертить: кровью ведьмы, кровью оборотня и кровью того, кто уже побывал на том берегу.

— Кошей подходит, — усмехнулся Володар. — Хоть по этому делу годится. Ты ж, говорят, и смерти не ведаешь, и жизни не знаешь. Самая подходящая кровь для такого заклания.

— Я — ведьма, — продолжала Ядвига, не обратив внимания на его усмешку. — Ты, муж, — оборотень. Кошей — тот, кто уже умер и встал. Трое и круг замкнётся. Крепче льда будет, только крепче лютых оков.

— А что с той, что на Севере? — спросил Верт, поднимая голову. — Она просто так не дастся. Не из тех, кто смириться с поражением.

— Не дастся, — согласился Кошей. — Придётся брать силой, хитростью или же и тем, и другим. Лорейна хитра, но мы не лыком шиты.

— Когда думаешь идти? — Ядвига подошла к столу, села напротив Кошея, глаза её в упор смотрели на него.

— Завтра на рассвете. Возьмём Ведамира — он донесёт быстро. У него шаг широкий, а ноги не знают усталости. До Севера за два дня добежит, если не задерживаться.

— А мы? — Верт кивнул на себя и на Василью. — Нам что, на печи сидеть?

— Вы с нами, — сказал Кошей. — Верт — как воин. Имей в виду, на Севере битва будет нешуточная. А Василья — как змея, тихая да смертоносная. Много пользы от неё в ледяных чертогах будет.

Ядвига посмотрела на Василью долгим, тягучим взглядом. Потом перевела глаза на её живот, ещё плоский, но уже не пустой.

— А тебе, Василья, идти нельзя, — сказала она. — И не просись.

— Отчего же? — Змея вскинулась, глаза её блеснули, как две капли крови. — Я не слабее Верта, чай, не дохлая мышь, да и ядовитее его в десять раз.

— Слабее не слабее — не в том дело, — Ядвига взяла её за руку, сжала ладонь. — Вижу я, что зреет под сердцем твоим дитя. Ещё маленькое, а уже светится. Еже ли ты сейчас пойдёшь на Север, в стужу, в битву — ты его потеряешь, возможно и себя. Не для того тебя Агидель спасала, чтобы ты дитя своё под снегом схоронила.

Василья замерла. Рука её, лежавшая на столе, дрогнула. Она перевела взгляд на Верта — тот стоял, не двигаясь, но в его чёрных глазах плескалось столько, что слова были не нужны.

— Я я не знала, — прошептала она. — Но правда твоя, Ядвига. Чувствовала, да боялась сказать. Думала — примерещится.

— Не бойся, — Ядвига обняла её, притянула к себе. — Вот вернёмся — и примем дитя, а пока оставайся здесь. В тепле, под моим глазом всевидящим. Верт сам справится. Он у нас крепкий, не развалится.

Ворон шагнул к жене, обнял её нежно, прижал к груди. Они стояли так — трое, молчаливые, как сосны в метель.

Кошей отвернулся, давая им время. Он смотрел в окно, туда, где за изгородью начинался лес.

— А Варвара? — спросил он тихо, не оборачиваясь.

— Ей там нечего делать, она своё испытание прошла, — сказала Ядвига, отпуская Василью. — Пусть залечивает раны.

— Почему ей нельзя? — Кошей повернулся, и в белых глазах его мелькнуло что-то, похожее на боль.

— Потому что я боюсь за неё, — ответила Ядвига. — Ведь она забыла, кто она и кто ты для неё. Если пойдут дела плохо — она может не вернуться. Ты этого хочешь?

Кошей ничего не ответил. Только сжал кулаки, разжал, снова сжал. Потом вышел на крыльцо. Снег падал мелкий, колючий. Холодный воздух щекотал нос.

Варвара не спала той ночью. Она вышла из избы затемно, когда луна ещё висела над лесом, и ушла в чащу. Обратилась медведицей — легко, как будто и не забывала вовсе. Шла по снегу, оставляя глубокие следы, обходила знакомые места — ту поляну, где когда-то собирала грибы с матерью, тот ручей, где в детстве училась ловить рыбу.

Лес молчал. Только снег падал на плечи, да ветер гулял в кронах. Филентий сидел на пеньке. Сидел и ждал — как будто знал, что она придёт. Мех его посеребрился от инея, усы торчали в разные стороны.

— Ну что, нагулялась? — спросил он, когда она вышла на поляну. Варвара обернулась человеком, отряхнулась.

— А ты чего тут сидишь? Замёрзнешь ведь.

— Я — кот. От такого пустичка не замёрзну. Жду сию, — сказал он и прыгнул с пенька, подошёл, потёрся о её ногу. — Нельзя тебе одной, Варвара. Мало ли кто в лесу ночью бродит.

Она села на снег, обхватила колени, уставилась в темноту. Филентий устроился у неё на коленях, свернулся калачиком.

— Скажи, Филь, — спросила она тихо, поглаживая его по спине, — ты помнишь, какой я раньше была?

— Помню, как никак сам воспитывал, — ответил кот.

— А я вроде помню, иногда же кажется вообще ничего не помню. Особенно то, что с Кошечем связано. Он мне снится иногда. Не лицо — чувства странные. Будто я должна что-то

ощущать, но не получается вспомнить. Будто кто-то вынул из меня самое важное и оставил пустоту и от этого тошно, Филь. Так тошно, что хоть вой.

— Тоска, — сказал Филентий. — Это называется тоска. С ней не воюют, её переживают.

— А если не переживу боль эту?

— Переживёшь. Ты — медведица, самая сильная сильная в роду царя леса.

— А любовь — она какая? — спросила она вдруг. — Что это вообще такое, Филь?

Филентий вздохнул, пошевелил усами и ответил не сразу. Думал долго,

— Любовь, Варвара, она как огонь в печи. Вроде как и есть, а вроде и нет, если не подкладывать дров. Она — когда тебе плохо без человека, хоть он и рядом совсем. Когда ты готова ему последний кусок хлеба отдать, даже если сама голодная. Когда смысл жизни — не в делах, не в словах, а просто в том, что он дышит рядом.

— Что если смысл я потеряла насовсем?

— Значит, ещё не всё потеряла, — ответил кот. — Потому что спрашиваешь. Кто ищет — тот всегда найдёт, даже если сам не верит. Ты веришь, Варвара? Хоть капельку?

Варвара не ответила. Поднялась, отряхнулась. Взяла кота на руки и пошла к избе. На крыльце сидела Василья. Куталась в шаль, хотя мороз не сильный, руки грела о кружку — в кружке пахло мятой и мёдом.

— Они ушли, — сказала она, когда Варвара подошла. — Только что. Кошей, Верт, твой отец, твоя мать. Все. На Север. Лорейну запирают.

— А ты почему не с ними? — Варвара опустила Филентия на землю, села рядом с Васильей на крыльцо.

— Мне нельзя, — улыбнулась Василья, положила руку на живот. — Я дитя ношу. Ядвига сказала — нельзя. И я знаю, что она права.

— Ой, — сказал Филентий, задирая голову. — Ну и дела. А Верт-то знает?

— Теперь знает, — рассмеялась Василья. — Стоял как громом поражённый. Даже не каркнул ни разу.

Варвара шагнула в избу. Взяла котомку, проверила — сухари, соль, трут. На столе лежала береста, нацарапанная углём: «Варенька, мы скоро. Жди. Не ходи за нами».

— Жди, — прочитала она вслух. — Не ходи.

— Не сердчай, милая, они тебя берегут, — сказала Василья, появившись в дверях.

— Василья, ты что скажешь?

— Я скажу, что ты без них пропадёшь и они без тебя. Я змея, чувствую — твой путь не здесь. Не в избе, не в лесу. Твой путь — там, куда они ушли. Даже если ты не помнишь, зачем тебе туда, — ноги сами выведут.

Варвара повернулась к котомке. Филентий уже сидел на лавке, делал вид, что умывается.

— Только не говори, что хочешь идти, — сказал он.

— А если хочу?

— Тогда я с тобой.

— Ты не поместишься, — усмехнулась Варвара.

— А ты попробуй.

Варвара сняла котомку, раскрыла. Филентий одним прыжком оказался внутри, свернулся клубком.

— Только не мурлыч громко, — сказала она.

— Я буду ниже травы, тише воды, — пообещал кот. — Буду как камень лежать, даже усом не шевельну.

Она подхватила котомку, закинула за плечи. На цыпочках вышла из избы. Василья стояла на крыльце, улыбалась.

— Иди, — сказала она. — Догоняй. Там твой путь, Варвара. Не сворачивай с него из страха и сомнений.

— Прощай, — сказала Варвара.

— Не прощай. До встречи.

Варвара пошла по следам — глубоким, свежим, уходящим на Север. Ветер дул в лицо, холодный и злой. Но в котомке, у самого её плеча, кто-то тихо мурлыкал.

— Только не убейся, — шепнул Филентий.

— Постараюсь. Ответила Варвара, понимая что верный любимец слово уже нарушил, громко бурча.

— Я серьёзно. Котомка-то у Ядвиги старая, швы того и гляди разойдутся. А мне выпрыгивать неохота, я спать хочу.

— Спи, — сказала Варвара, ускоряя шаг. — До Севера ещё далеко, а впереди, уже почти за горизонтом, светился ледяной отсвет — там, где ждала Лорейна в своих чертогах из вечного холода.

Глава 9

Кошей шёл первым. Снег под ногами хрустел, ветер завывал в кронах сосен, но он не чувствовал холода. Мужчина вообще ничего не чувствовал — только где-то в груди, там, где у него не было сердца, свербило. Беспокоило. Ныло, как застарелая рана перед дождём. Каждый шаг давался тяжелее, и не потому, что болото было топким, — ноги сами замедляли ход, будто не хотели идти вперёд, туда, где её не было.

— Стойте, — сказал он, поднимая руку.

Ведамир замер, копыта его увязли в снегу по самое колено. Володар, шедший следом, нахмурился, поправил на плечах волчью шкуру. Ядвига остановилась, прислушалась к ветру, к тишине, к тому, что билось в груди у каждого из них, но не у неё. Верт — в небе, чёрной точкой на сером полотне, кружил, высматривая опасность.

— Что чуешь? — спросил Володар, подходя ближе.

— Она идёт за нами, — тихо сказал Кошей. — Варвара и с ней что-то не так.

— Откуда знаешь? — Ядвига подошла, заглянула в его белые глаза, которые, казалось, видели больше, чем положено смертному и даже бессмертному.

— Знаю, — ответил Кошей. — Сердце, которого у меня нет, ноет. Она в беде. Я должен вернуться.

— Мы все вернёмся, — сказал Володар, кладя руку на плечо Кошей.

— Нет. — Кошей покачал головой, отступил на шаг. — Вы идёте дальше. Лорейна не ждёт. Каждая минута промедления — ещё один замёрзший лес, ещё одна погибшая душа. Вы должны успеть. Мы догоним. Но сначала — я обязан её найти. Чувствую, что без меня она пропадёт.

Ядвига хотела возразить, но Володар перехватил её взгляд, положил руку ей на плечо.

— Пусть идёт, — сказал он. — Он прав. Ежели она в беде, он нужен ей больше, чем мы. А мы справимся и без него. Верно, Ведамир?

— Верно, — ответил лось, и голос его прозвучал низко, как гул земли.

— Тогда идём. — Володар повернулся к Кошее. — И не оглядывайся, белоглазый. Мы встретимся на Севере.

— Я не оглядываюсь, — ответил тот. — Я просто иду к своей судьбе.

Он развернулся и пошёл по своим же следам. Снег скрипел под ногами, ветер стихал, и в этой тишине он слышал только собственное дыхание — хотя дышать ему было нечем. Воздух сам входил в лёгкие, не спрашивая разрешения. Каждый шаг уводил его от цели, приближал к ней. К Варваре.

— Держись, — шепнул он в пустоту. — Я иду.

Варвара шла по следам. Они были свежие, глубокие, в них угадывались копыта Ведамира, сапоги Володара, лёгкие шаги Ядвиги, и один след — странный, словно кто-то шёл не ступая, а скользя. Кошей.

— Тяжёлый день будет, — буркнул Филентий из котомки. — Уже час как идём, а болото всё ближе.

— Замолчи, — ответила Варвара, перешагивая через корень. — Мне сосредоточиться надо.

— А мне в котомке тесно.

— А ты не влезай туда, где тесно.

— А ты не ходи туда, куда не звали.

Варвара не ответила. Ей хватало собственных мыслей. Она не знала, зачем идёт. Не помнила, почему Кошей ей важен. Только ноги сами несли её, как по нити, как по клубку, который

Ядвига когда-то ей дала. И с каждым шагом, с каждым вдохом холодного воздуха, где-то в груди пустота становилась чуть меньше.

Болото подступило неожиданно — вот был лес, сосны, снег, а вот уже топь, чёрная вода, кочки, поросшие седым мхом, и туман, что стлался по земле, как саван.

— Не нравится мне здесь, — сказал Филентий, высывая морду из котомки. — Пахнет смертью и чем-то сладким. Как гнилые яблоки в погребу.

— И мне не нравится, — ответила Варвара. — Но мы должны идти. Мы с ним вместе рядом...

— Мы должны? — Филентий приподнял бровь. — Это вы теперь «мы»?

Варвара промолчала. Она хотела просто идти. Идти, пока не найдёт его. Пока не вспомнит.

Болото вокруг неё менялось. Туман становился гуще, и в нём начинали мерцать огоньки — не тёплые, не живые, а те, что зовут и не отпускают. Варвара слышала, как они шепчут её имя.

— Варвара... Варвара... Останься с нами... Здесь тихо...

— Не слушай, — Филентий дёрнул её за волосы. — Это они, утопленницы. Они зовут тех, кто устал. Ты не устала?

— Устала, — честно ответила Варвара. — Но я не хочу оставаться.

Она шла дальше шаг за шагом, и вдруг болото кончилось или не кончилось — просто перед ней, прямо на кочке, сидела она. Русалка. Варвара замерла, не в силах ступить дальше. Русалка была прекрасна и страшна одновременно. Её волосы, длинные, цвета водорослей, с вплетёнными каплями света, струились по воде, обвивали плечи, грудь, опускались до самой талии. Глаза её были тёмно-синими, как глубина озера, — бездонными, в них можно было утонуть, даже не заметив. Кожа — бледная, с перламутровым отливом, будто выточенная из жемчуга и лунного света. Губы — синие, как зимнее небо. А вместо ног — длинный рыбий хвост, покрытый чешуёй как у щуки, которая переливалась серебром и изумрудом.

— Медведица, — сказала русалка, и голос её был как плеск воды. — Ты пришла, а я ждать притомилась уже.

— Ты знаешь, зачем я здесь? — спросила Варвара.

— Знаю. Ты ищешь память. Ту, что отдала в Смородине. Ты ищешь любовь, которую забыла. Я могу помочь. Но сначала твой белоглазый должен пройти испытания.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила Варвара, вглядываясь в её лицо.

Русалка улыбнулась, и в этой улыбке не было тепла — только боль, старая, как вода.

— Я была невестой, — сказала она, и голос её стал тише. — Мой жених привёл меня на это болото. Я думала — собирать цветы, а он толкнул меня в воду. Он любил другую. Я утонула в свадебном платье, в венке из кувшинок. С тех пор я здесь и топлю всех, кто похож на него. Тех, кто предаёт. Тех, кто лжёт. Но вас я не утоплю.

— Почему?

— Потому что он пришёл за тобой. Он не предатель. Ты не я, — не такая, другая. Вы настоящие. Я хочу увидеть, на что вы способны. И если он пройдёт испытания — я помогу тебе вспомнить. А если нет... вы останетесь здесь. Со мной. Навсегда.

Русалка щёлкнула пальцами, и Варвара почувствовала, как тело перестаёт её слушаться. Ноги подогнулись, и она мягко опустилась на мох. Руки и ноги стали тяжёлыми, как свинец, и она не могла пошевелиться — способна была, только смотреть, да речи слушать.

— Не бойся, — сказала русалка. — Это чтобы ты не мешала. Смотри и запоминай.

Она поднялась над водой, и голос её разнёсся над болотом:

— Кошей! Я знаю, что ты рядом. Иди ко мне. Или ты хочешь потерять её навсегда?

Кошей вышел к тому месту, где болото стало шире, глубже. Вода здесь была почти чёрной, а из тумана доносились голоса. Он остановился, прислушался. Голоса звали, манили, обещали покой. Но он не слушал.

А потом внезапно Кошей услышал голос. Он был красивым, певучим, как вода, полирующая через камни. Кошей шагнул вперёд, и туман расступился перед ним. Болото вокруг изменилось: кочки исчезли, вода стала гладкой, как зеркало, а в центре, на мху, лежала Варвара. Неподвижная, с открытыми глазами, которые смотрели в небо, но не видели.

— Что ты с ней сделала? — спросил Кошей.

— Она ждёт, — ответила русалка. — Ты должен пройти испытания. Доказать, что твоя любовь сильнее, чем страх.

— Я готов.

Русалка улыбнулась, и в этой улыбке было что-то древнее самой смерти.

— Первое испытание, — сказала она. — Ты должен отдать мне свою левую руку. Ту, что сжимала её ладонь. Ту, что тянулась к ней в темноте. Ты готов?

— Готов, — сказал он.

Он протянул левую руку. Воздух сгустился, и что-то холодное, острое коснулось его запястья. Лезвие вошло в плоть — не больно, только с холодом лютым. Рука упала в воду, ушла ко дну.

— Второе, — сказала русалка. — Ты должен отдать мне свой правый глаз. Тот, что видел её улыбку.

Кошей вытащил глаз. Мир стал плоским, но он не закрыл оставшийся — смотрел на Варвару.

— И последнее, — сказала русалка. — Ты должен отдать мне своё сердце. То, что ты считаешь сердцем. То, что боишься потерять.

Кошей вонзил руку себе в грудь не раздумывая. Лёд, который он носил внутри, холодный, пустой, выскользнул в его ладонь, и он протянул его русалке. Она взяла осколок льда, посмотрела, и он растаял, превратившись в каплю воды.

— Ты прошёл, — сказала она. — Ты отдал всё, что у тебя было. Даже то, чего у тебя нет.

Она щёлкнула пальцами, и морок исчез. Рука Кошей была цела. Глаз — на месте. И в груди, там, где была пустота, что-то дрогнуло.

— Почему? — спросил он.

— Это было испытание, — ответила русалка. — Я хотела увидеть, готов ли ты отдать всё ради неё. Ты не колебался и прошёл их с верностью и честью. Теперь твоя очередь, медведица.

Варвара села на мху. Она смотрела на Кошею — целого, живого, стоящего перед ней. И вдруг помнила. Не всё лишь отголоски, всполохи памяти, не четкие и рыхлые. Но она помнила.

— Я помню, как ты взял меня за руку, — сказала она. — Как мы шли по лесу.

Русалка улыбнулась и протянула Варваре гребень. Древний, костяной, с узором из волн.

— Возьми, медведица. Пусть он расчесывает твои волосы каждый вечер, пока ты не вспомнишь всё. Гребень работает только тогда, когда он рядом. Когда готов ждать тебя безприкословно. И помни: он хранит мою печаль. Не бойся её.

Варвара взяла гребень. Он был тёплым, живым, в нём плескалась вода.

— Спасибо, — сказала она.

— Не благодари, — ответила русалка. — Я не делаю это для вас. Скорее это для себя. Чтобы знать, что хоть кто-то в этом мире не предаёт. Чтобы верить, что любовь не всегда убивает. Иногда она спасает.

Она опустила в воду и исчезла.

Вечером, у костра, Кошей взял гребень и провёл им по волосам Варвары. Чёрные, густые, они струились сквозь пальцы, как вода. Гребень засветился, и Варвара закрыла глаза.

— Помнишь, как мы летели на облаке? — спросил он.

— Помню, — ответила она. — Ты сидел рядом. Боялся, что я упаду.

— А как я смотрел на тебя?

— Ты смотрел на меня, как на чудо. Как на что-то, чего не может быть.

Кошей провёл гребнем ещё раз, и она вспомнила — его руки теплые и не холодные вовсе, глаза словно в душу заглядывающие, голос ласковый но тревогой полнящийся.

— Ты для меня и была чудом, — сказал он. — Ты и сейчас чудо.

Она развернулась, коснулась его щеки. Гребень упал в снег.

— Я помню, — сказала она. — Теперь теперь почти помню.

Она прижалась к нему, и он обнял её. Филентий сидел рядом, глядя на костёр, делал вид, что спит. Но мудрый кот и совсем-совсем не старый, улыбался.

А над ними, над болотом, над лесом, горели звёзды. Холодные, как лёд, но живые. И в этом холоде теплела любовь, которую не могли заморозить ни боги, ни смерть, ни сама Лорейна.

Кошей и Варвара уснули у догорающего костра. Варвара положила голову ему на плечо, и её дыхание стало ровным, тихим. Кошей прикрыл глаза, держа её за руку. Гребень лежал рядом, успев нагреться от тепла костра.

Филентий сидел на кочке чуть поодаль, глядя, как тлеют угли. Он не спал — он вообще редко спал, когда чувствовал, что рядом есть кто-то, кто не должен его видеть. И он знал, что она придёт.

Туман над болотом дрогнул, разошёлся, и из воды бесшумно поднялась она. На этот раз без хвоста. Её длинные ноги, бледные как пергамент, ступили на мох, и чешуя, что ещё мгновение назад покрывала её тело, мягко сползла, укладываясь в струящееся серебристое платье, как вода перетекает в русло. В нём мерцали звёзды, или это был просто лунный свет, преломлённый о её кожу — не разобрать. Волосы её струились по плечам, и в них больше не было водорослей, только чистая, бесконечная вода.

— Ты всё такая же, — сказал Филентий, не оборачиваясь. — Любишь появляться, когда никто не ждёт.

— и ты всё такой же, — ответила русалка, садясь рядом. — Ворчишь, даже когда рад меня видеть.

— Я не рад, — соврал кот. — Но совсем не против.

Русалка усмехнулась — тихо, со звуком подобным как плеск воды о берег, и протянула ему вяленую рыбу. Сушёную, с золотистой корочкой, пахнущую солью и ветром.

— Держи. Я знаю, ты любишь.

— Откуда ты знаешь, что я люблю? — спросил Филентий, беря рыбу, но не торопясь откусывать.

— А я за тобой наблюдаю, — ответила русалка. — Всю ночь сижу, смотрю, как ты у костра рыбу жуёшь, а потом снег лопаешь. Думаешь, я только вода?

— Ты — вода, — сказал Филентий. — Сама суть волной стихии.

— А ты — кот, — ответила она. — Но я всё равно лишь тебя вижу.

Он надкусил рыбу. Вкус был привычным — солёным, чуть горьковатым, с дымком.

— Ты не ешь? — спросил он, кивнув на её пустые руки.

— Я не ем, — сказала русалка. — Я пью-воду, слёзы радости да отчаянья, тоску по берегу и жизни земной. Но рыбу люблю сушить. Это моё хобби.

— Странное хобби, — заметил Филентий. — Для русалки — сушить рыбу.

— А что, по-твоему, русалки должны делать? Топить всех подряд и петь песни?

— Ну, вообще-то да, — сказал Филентий. — В призраках людских, так и пишут.

— Врут глупые деревенские, — ответила русалка. — Я не топлю всех подряд. Только тех, кто заслужил.

— А я заслужил? — спросил Филентий, глядя на неё.

— Ты — нет, — сказала она. — Ты — единственный, кого я не потопила и не утоплю никогда.

— Почему?

Русалка посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то древнее, печальное.

— Потому что ты меня спас, — сказала она. — Ты помнишь ту зиму? Я примерзала к берегу. Я не могла пошевелиться, вода затягивала меня обратно, а я не могла плыть. Ты пришёл. Ты сидел под боком, грул шерсткой своей и присматривал, пока я не отогрелась. Не ушёл.

— Я просто сидел, — сказал Филентий. — Я ничего особенного не делал.

— Ты был рядом, — ответила русалка. — Это и есть самое главное. Не боялся меня, не предал. Лишь был рядом. Вода этого не забывала и впредь не забудет.

Филентий молчал, глядя на огонь. Русалка сидела рядом, и её бледные пальцы почти касались его лап.

— Я слышала, — сказала она тихо, — что ты думаешь, будто люди лучше котов.

— Я не думаю, — ответил Филентий. — Я знаю.

— Почему?

— Потому что я видел людей. Наблюдал целый век, как они убивают друг друга за горсть серебра, бросают детей в лесу, чтобы те не мешали жить без забот, топят нелюбимых в болоте, — он посмотрел на неё, и в его глазах была печаль. — Я видел, как они предают.

— А коты?

— Коты не предают, — сказал Филентий. — Коты могут быть злыми, или глупыми, могут есть мышей, которые уже полдня лежат на солнце. Но они не предают. Они уходят, когда хотят уйти. И остаются, когда хотят остаться. Они не обещают того, чего не могут дать.

Русалка улыбнулась — и в её улыбке было больше тепла, чем в летнем солнце.

— Ты — хороший, — сказала она. — Самый лучший из всех, кого я знала. И ты прав. Коты — лучше людей. Ты лучше....

— Ты просто не встречала правильных котов, — сказал Филентий.

— Я встретила тебя, — ответила она. — Этого достаточно.

Она помолчала, глядя на огонь, на спящих, на гребень, лежащий рядом с Варварой.

— Знаешь, — сказала она, — я могу быть разной. Могу быть водой, могу быть тенью, могу быть кошкой. Хочешь посмотреть?

Филентий приподнял бровь.

— Покажи.

Русалка закрыла глаза, и её тело начало меняться — медленно, красиво, как переливается свет в глубине. Серебристое платье стало шерстью, ноги поджались, превратились в лапы, лицо вытянулось, приняв кошачьи черты. Через несколько мгновений на месте русалки сидела огромная серебристая кошка с глазами, как два омута. Она мурлыкнула, ткнула холодным носом в лапу Филентия, и в этом прикосновении было столько нежности, что кот вздрогнул.

— Ты бы могла остаться такой, — сказал он.

— Не могу, — ответила она, снова становясь человеком. — Я — вода и не могу быть ничем другим, даже если хочу. Но хочу, чтобы ты знал: я бы осталась. Если бы могла.

Филентий смотрел на неё, и в его глазах было что-то новое — то, что он не показывал никому.

— Ты странная, — сказал он. — Русалка, которая любит сушить рыбу и говорить с котом.

— А ты странный, — ответила она. — Кот, который не боится русалок и спасает их от смерти. Мы подходим друг другу.

— Подходим, — согласился Филентий.

Она протянула ему маленький медальон — серебряный, с узором из волн, внутри которого что-то мерцало.

— Возьми, — сказала она. — Это тебе.

— Что это? — спросил он, беря медальон.

— Подарок. Открой, когда я уйду. Не сейчас.

— Когда ты уйдёшь?

— Скоро, — ответила русалка. — Вода зовёт.

Она встала, и её ноги снова стали хвостом, платье — чешуёй. Она шагнула в воду.

— Прощай, рыжий, — сказала она.

— Не прощай, — ответил Филентий. — До встречи.

Она улыбнулась ему в последний раз — и исчезла. Вода сомкнулась над ней без всплеска, и на поверхности осталась только тина, ряска и несколько пузырьков, которые лопнули, как слёзы.

Филентий долго смотрел на воду, потом на медальон в лапе. Он был тёплым, живым. Кот спрятал его и не стал открывать. Знал — она сказала «потом». Значит, пришло время только когда она уйдёт совсем

Утром Варвара проснулась первой. Солнце вставало над болотом, разгоняя туман, и воздух был свежим, чистым. Она посмотрела на Кошечку, на гребень, что лежал у неё в руке, и улыбнулась.

— Ты спишь? — спросила она тихо.

— Нет, — ответил он. — Я не сплю.

— Филентий ещё дрыхнет, — сказала она, кивая на кота.

— Пусть отдыхает, рыжий. Он заслужил.

Она взяла гребень, провела по волосам, и воспоминания хлынули тёплой волной — облако, море, его руки с ледяными кончиками пальцев, переживающий, дрожащий голос.

— Я помню, — сказала она.

— Я знаю, Варенька, — ответил он.

Филентий открыл глаза. Посмотрел на болото, на то место, где вчера сидела русалка. Там была только тина и ряска. Он молчал, глядя медальон на груди.

— Ну что, — сказал он. — Идём дальше? На Север?

— Идём, — ответила Варвара, пряча гребень за пазуху.

Они пошли по болоту, держась за руки. Филентий шёл рядом, иногда оглядываясь. Ему казалось, что из воды кто-то смотрит — но это был просто отблеск утреннего солнца на чёрной глади.

Когда они скрылись за поворотом, Филентий открыл медальон. Внутри была записка, написанная дрожащим почерком на бересте: «Спасибо, рыжий, что был рядом. Ты — лучше всех. Я отдала гребню свою жизнь, чтобы вернуть тебе долг. Но ни капли не жалею. Ты дал мне тепло. Я даю тебе память. Помни обо мне, когда будешь смотреть на воду. Она всегда будет помнить тебя. Прощай».

Филентий закрыл медальон, убрал его за пазуху и пошёл дальше. Он не плакал — коты не плачут. Но в горле стоял ком, и в голове было пусто.

А над болотом уже занимался день, и где-то вдалеке звенел голос русалки, который никто, кроме него, не слышал.

— Помни обо мне, рыжий. Я всегда буду в этом болоте. Даже когда меня не станет.

Филентий вздохнул и ускорил шаг.

— Помню, — шепнул он. — Помню, скользкая ты рыба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.